

63

К-63

Комиссия
Уложения и
крестьянское
дело при Екатерине II

ГОМ 122 63
8218 Ж-63

КОМИСИЯ УЛОЖЕНІЯ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

I.

Распространеніе европейской цивилизаціи и освобожденіе крестьянъ — вотъ двѣ основныя задачи, къ выполненію которыхъ въ продолженіи почти двухъ вѣковъ стремились всѣ передовые люди Россіи, не говоря уже о массѣ крѣпостного народа, которая никогда не переставала мечтать о волѣ. Такихъ мечтателей, утопистовъ, не мало было и до Петра, какъ, напримѣръ, извѣстный правитель государства и фаворитъ Софьи, образованный князь Голицынъ. По словамъ Невилля (Relation de Moscovie, 1699), „онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, сдѣлать людей изъ дикарей, героевъ изъ трусовъ и превратить лачуги въ каменные дворцы. Цѣлью князя было поставить Россію на одну ступень съ прочими государствами, для чего онъ распорядился собрать свѣденія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и образъ ихъ правленія. Онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ выгодною для царя, за ежегодный оброкъ, который, по его вычисленію, долженъ болѣе, чѣмъ вдвое, увеличить царскіе доходы, составляющіе на французскія деньги отъ 7 до 8,000,000 ливровъ *). Что-же касается съѣстныхъ припасовъ, составляю-

*) 1,400,000 рублей; по свидѣтельству Котошихина, эти доходы составляли 1,300,000 р.

щихъ остальную часть дохода, то очень трудно опредѣлить ихъ настоящую стоимость“. Голицынъ думалъ производить всѣ государственные расходы деньгами и замѣнить регулярнымъ войскомъ „полки крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой бесполезной для государства повинности обложить ихъ умѣреннымъ поголовною податью“. Голицынъ ничего не успѣлъ сдѣлать для крестьянъ, а при наступившей вскорѣ петровской реформѣ крѣпостное право даже значительно усилилось и окрѣпло. Государственные расходы въ самое короткое время страшно увеличились, денегъ не было и за все отвѣчали мужики: они строили города, рыли каналы, шли въ награду и въ жалованье служилымъ людямъ, приписывались для работъ ко вновь учреждавшимся заводамъ. Послѣ Петра раздача крестьянъ чрезвычайно усилилась, сдѣлалась обыкновенною. Ломоносовъ получилъ пенсію вмѣсто денегъ крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостные потеряли послѣдніе остатки своей свободы и всѣ разнообразные классы ихъ слились въ одну массу полныхъ рабовъ. Но весь гнетъ этого положенія оказался недостаточнымъ, чтобы подавить желаніе воли, доводившее крестьянъ до постоянныхъ волненій. Дворянство тоже мечтало о волѣ, о томъ, чтобы избавиться отъ обязательной службы, сохраняя свои помѣщичьи права, данныя только въ вознагражденіе за эту службу. Желаніе дворянства, наконецъ, исполнилось. При Петрѣ III помѣщики получили право служить и не служить, свободно выѣзжать за границу и даже вступать въ иностранную службу; они были такъ довольны, что думали воздвигнуть Петру *золотую статую*. Какъ ни странно и случайно, по разсказу Щербатова, было происхожденіе этой вольности, но она вполне гармонировала съ другими мѣрами Петра, который при всей своей умственной скромности отличался добродушіемъ и искренностью. Онъ закрылъ тайную канцелярію, далъ амнистію и свободу вѣры раскольникамъ и за три дня до своего сверженія послалъ въ синодъ слѣдующій собственноручно написанный имъ указъ: „1) Чтобы дать волю во всѣхъ законахъ (т. е. вѣроисповѣданіяхъ) и какое у кого ни будетъ желаніе, то не совращать. 2) Принять вообще всѣхъ западныхъ (христіанъ) и чтобъ ихъ не имѣли въ поруганіи и проклятій. 3) Урѣченные посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произвольство. 4) О грѣсѣ прелюбодѣй-

номъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ. 5) Всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить къ моему державству, а вмѣсто ихъ мое собственное на жалованье дать. 6) Чтобы дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ (мѣропріятіяхъ) и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать“ (Р. Архивъ 1871, 2055). Еще раньше этого указа, возмущившаго все духовенство, были освобождены, и освобождены съ землею, монастырскіе крестьяне, а сыновья священниковъ привлечены къ рекрутству. Передовые люди Европы, вродѣ Вольтера, были въ восторгѣ отъ этихъ распоряженій, русскіе раскольники ликовали, хлысты и сцопцы увидѣли въ Петрѣ своего Христа, но православное духовенство обнаружило такое сильное негодованіе, что иностранные посланники сочли нужнымъ обратить на это обстоятельство вниманіе своихъ дворовъ. Крестьяне же, помѣщичьи и заводскіе, сочли освобожденіе монастырскихъ за начало и своей воли и 200,000 ихъ возстало въ разныхъ мѣстахъ. Къ тому же всѣ другія государственныя дѣла, какъ рассказываетъ сама Екатерина, были совершенно разстроены. Армія, бывшая за границей, восемь мѣсяцевъ не получала жалованья, „на штатсъ-конторѣ было 17,000,000 долгу. Ни единый человѣкъ, говоритъ далѣе Екатерина, въ государствѣ не то чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудія разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей. Всѣ вѣтви комерціи почти были отданы частнымъ людямъ на откупъ. Флотъ былъ въ опущеніи, армія въ разстройствѣ, крѣпости разваливались. Въ сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ предъ собою на столѣ, и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатанныя не были въ сенатѣ и первую карту я, бывъ въ сенатѣ, послала купить въ академію. Тюрьмы были наполнены колодниками... Довѣренности къ правительству никто не имѣлъ, но всякъ привыкъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить, какъ вредное общему благу. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточили такъ умы, что многимъ казалось, что тотъ-то и самый порядокъ правосудія, а не иной какой. Политическія-же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего мы еще ожидали пришествія татаръ на

Украину къ масляницѣ“ (Сборн. истор. общества, т. X, с. 381).

Екатерина въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ и другими знаменитостями Европы не разъ останавливалась на изображеніи этихъ трудныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея воцареніе. Но въ сущности положеніе дѣлъ не было такимъ отчаяннымъ, какимъ желала выставить его Екатерина. Петръ III поступалъ такъ поспѣшно и необдуманно, что при замѣчательныхъ умѣ и ловкости его преемницы ей не стоило-бы большихъ усилій, чтобы поправить дѣла, еслибы только предшествовавшія обстоятельства ея жизни не развили въ ней крупныхъ недостатковъ ума и характера. Поклонница энциклопедистовъ, Монтескье и Бекаріа, другъ Вольтера, она рѣшительно ничего не имѣла противъ тѣхъ принциповъ свободы и терпимости, которые легли въ основу распоряженій Петра о свободѣ вѣроисповѣданія и освобожденія монастырскихъ крестьянъ, но, вступая на престолъ, она далеко еще не выработала вполне цѣльной, однородной политической программы. Изъ замѣтокъ ея, веденныхъ въ концѣ царствованія Елисаветы, видно, напр., что, подобно Вольтеру, Екатерина была рѣшительно противницею войнъ. „Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; заставьте, если это возможно, кипши кипѣть народъ въ нашихъ пространныхъ пустыняхъ“. Въ то-же время она очень хорошо понимала, что опора всякой власти — въ народѣ. „Власть безъ довѣренности народа ничего не значить. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій никогда неразлучныя между собою благо народа и справедливость. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ интересовъ. Если душа ваша благородна — вотъ ея цѣль“. „Свобода, душа всего, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ. Хочу одного — дѣлать людей счастливыми, но ни произвола, ни чудачества, ни тираніи, несовмѣстныхъ съ свободою“. Крѣпостное рабство должно было возмущать такого свободомыслящаго человѣка, и дѣйствительно, Екатерина въ своихъ замѣткахъ говоритъ, что *„противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей (они всѣ рождаются свободными)“*, но тутъ-же прибавляетъ, что освобожденіемъ крестьянъ, конечно, нельзя заслужить любви землевладѣльцевъ. Но вотъ удобный способъ: постановить, что отнынѣ при продажѣ имѣнія, ког-

да новый владѣлец пріобрѣтаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія объявляются свободными. Такимъ образомъ въ сто лѣтъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть имѣній перемѣнятъ господъ, и вотъ народъ освобожденъ“. Независимо отъ этихъ опасеній помѣщичьей оппозиціи, Екатерина хотя и соглашалась съ Энциклопедіей, что „рабство есть гражданская потеря, убивающая взаимное состязаніе, промышленность, художества, науки, честь и изобиліе“, но въ то-же время она съ молодости чувствовала слабость къ барству и аристократической роскоши. „Государи кажутся болѣе великими по мѣрѣ того, какъ вельможи страны и приближенные государей обладаютъ большими богатствами. Изобиліе должно царствовать въ ихъ домахъ, а не ложная роскошь, основанная на неоплатныхъ долгахъ. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты — вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь; черезъ разумное сбереженіе они до этого достигнутъ. *Признаюсь, что хотя я свободна отъ предрасудковъ и умъ у меня отъ природы философскій, однако чувствую великую склонность чтить древніе роды*; мнѣ тяжело, когда вижу ихъ обреченными почти на нищенство, мнѣ пріятно возстановлять ихъ. Можно возстановлять ихъ блескъ пожалованіемъ орденовъ и назначеніями въ должности старшихъ въ родѣ, если только они достойны, также раздачею пенсій и даже помѣстій (des terres), смотря по надобности и заслугамъ, съ условіемъ, чтобы они переходили къ старшему и оставались въ родѣ неотчуждаемыми“ („Сб. ист. общ.“, т. VII, стр. 83—85, 101). Такимъ образомъ еще до воцаренія Екатерины политическая програма ея была очень сбивчива и неопредѣлена, даже не совсѣмъ безупречна относительно практичности: мало того, что невозможно было примирить принципы свободы и равенства всѣхъ людей раздачею помѣстій, предположенное Екатериною постепенное освобожденіе крестьянъ, которое кончилось бы черезъ сто лѣтъ, именно около 1861 г., только чрезвычайно усилило бы тѣ волненія крѣпостныхъ, которыя шли вплоть до ихъ полной воли. При этомъ у Екатерины не было ни той энергіи, ни той самоотверженности, какими отличался Петръ Великій, а привычка къ изворотливости заводила ее часто вовсе не туда, куда ей хотѣлось попасть, какъ справедливо замѣтилъ хорошо знавшій ее англійскій посолъ. „Если у императрицы есть слабость, писалъ Гёнингъ, — то она состоитъ въ

желаніи достигать таинственнымъ образомъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя были бы ей доступны при помощи простыхъ и естественныхъ путей“ (ib., т. XIX, стр. 390). Обстоятельства, сопровождавшія воцареніе Екатерины, побуждали ее какъ можно скорѣе возстановить расшатавшіеся государственные порядки и заручиться сочувствіемъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые были возмущены безтактностью ея мужа. Въ первыхъ же своихъ манифестахъ, порицая Петра за его поступки, Екатерина объявила себя защитницею православія, обѣщала облегчить положеніе народа, „искоренить язву неправды и лихоимства“ и т. д. И Екатерина много работала въ этомъ отношеніи, особенно въ первое время. „Проблески неудовольствія, доносили въ началѣ 1763 г. пруссѣй посланникъ своему королю, — проявляющіеся отъ времени до времени, порождаются главнымъ образомъ стремленіемъ императрицы искоренить злоупотребленія. Множество знатныхъ бояръ и даже большая часть сенаторовъ не очень-то рады слишкомъ дѣятельной государынѣ, которая хочетъ управлять сама. Поэтому они дѣлаютъ все, чтобы противодѣйствовать благимъ намѣреніямъ императрицы... Они были тиранами народа, увѣренные въ своей безнаказанности, потому что дѣлили плоды своихъ поборовъ и грабежей съ людьми, имѣвшими вліяніе при дворѣ. Новые порядки возбуждаютъ неудовольствіе, потому что мѣшаютъ имъ предаваться лѣности и корыстолюбію“ (ib., т. XXII, стр. 43, 65). Въ этой борьбѣ съ чиновничьими злоупотребленіями Екатерина проявила сравнительно много энергіи, но и тутъ у нея скоро опустились руки; въ другихъ же отношеніяхъ она дѣйствовала гораздо осторожнѣе и изворотливѣе, начиная съ перваго дня своего царствованія. Поклонница „древнихъ родовъ“ въ теоріи, на практикѣ она опиралась преимущественно на новые, ею же созданные роды, вродѣ Орловыхъ, и чтобы привязать ихъ къ себѣ, должна была прибѣгать къ тѣмъ же способамъ, которые практиковались во всѣ предыдущія царствованія послѣ Петра В. и которые она не могла одобрять, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Въ первое же полугодіе 1762 г., кромѣ крестьянъ, чиновъ и другихъ милостей, было роздано сторонникамъ Екатерины болѣе 800,000 р. (ib., VII, 108—119). Скоро екатерининская казна была окончательно опустошена и по поводу одной изъ безчисленныхъ просьбъ своихъ сторонниковъ она уже 25 февраля 1763 г. отвѣчала Ела-

гину: „Иванъ Перфильчъ, ты имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлевымъ, что понеже они мнѣ помогли взойти на престолъ для поправленія непорядковъ въ отечествѣ своемъ, (то) я надѣюсь, что они безъ прискорбія примутъ мой отвѣтъ, а что дѣйствительная невозможность нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный“ (ib., 234). Въ августѣ она уже съ раздраженіемъ по поводу подобныхъ просьбъ писала Глѣбову: „у меня денегъ нѣтъ, и вы какъ хотите съ ними“ (стр. 309.) Въ то же время англійскій посланникъ доносилъ своему министру, что „казна императрицы въ полномъ истощеніи, даже фонды адмиралтейства, считавшіеся до сихъ поръ неприкосновенными, теперь растрочены“ (ib., т. XII, стр. 109). Положеніе было столь критическимъ, что иностранные дипломаты надѣялись извлечь изъ него существенныя выгоды для себя, видя русскій дворъ доведеннымъ до необходимости принимать отъ нихъ подарки и субсидіи (ib., XII, 73; XIX, 414 и др.). Но дипломаты ошибались... Въмѣстѣ съ тѣмъ для полного успокоенія духовенства Екатерина сочла нужнымъ отмѣнить дѣйствіе петровскаго указа, освобождавшаго монастырскихъ крестьянъ. Но крестьяне не повѣрили указу, снова обращавшему ихъ въ прежнюю неволю, и волненія ихъ приняли такіе размѣры, что „въ явномъ возмущеніи, подъ ружьемъ“ было болѣе 100,000 монастырскихъ крестьянъ („Рус. Стар.“, XXV, 603). Екатерина рѣшилась довершить то, что началъ мужъ ея. Монашество вознегодовало, а ростовскій митрополитъ Арсеній прибавилъ даже къ обряду православія, совершенному въ ростовскомъ соборѣ въ 1763 г., слѣдующее: „Вси начальствующіи и обидящіи святіи божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ отъ древнихъ боголюбцовъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, яко крайніи враги божіи, да будутъ прокляты“ (ib., XXVI, 6). Но Екатеринѣ не трудно было сломить эту оппозицію; 1,000,000 монастырскихъ крестьянъ были освобождены, а митрополитъ Дмитрій Сѣменовъ, который при Петрѣ III чуть было не лишился мѣста за свои дѣйствія противъ освобожденія, теперь за энергическое содѣйствіе тому же освобожденію, получилъ отъ Екатерины въ награду 1,000 душъ... („Рус. Стар.“, XV, 730; „Сб. ист. общ.“, VIII, 559).

Заводскіе и помѣщичьи крестьяне тоже ждали свободы и 100,000 ихъ были въ открытомъ возстаніи. Ихъ усмиряли вой-

сками, „огнемъ и мечемъ“, какъ выражалась Екатерина, а заводчикъ Демидовъ даже „убилъ до смерти 63 человѣка, а одного человѣка еще положи на разженную горячую чугунную доску, билъ кнутъями и пережегъ руку“ („Рус. Стар.“, XVIII, 206). Предписывая посланному на усмиреніе горнозаводскихъ крестьянъ кн. Вяземскому разныя мѣры строгости, какъ противъ крестьянъ, такъ и противъ агитировавшихъ между ними церковниковъ, Екатерина въ то же время приказывала разслѣдовать и злоупотребленія владѣльцевъ, замѣчая, что „какъ крестьянская продерзость всегда вредительна, такъ и человѣколюбіе наше терпѣть не можетъ, чтобъ свыше мѣръ человѣческихъ поработеніе крестьянъ. а паче съ мучительствомъ, чинимо было“ („Сб. ист. общ.“, VII, 191). Когда же Екатерина поближе познакомилась съ положеніемъ крестьянъ, то хорошо поняла, что невозможно поддерживать одними строгостями ихъ „несносное и жестокое иго“. При такихъ порядкахъ, писала она кн. Вяземскому, „бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ... Всякая малость можетъ привести крестьянъ въ отчаяніе... Прошу быть весьма осторожною, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокостей и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами *оную* возьмутъ рано или поздно“ (Сборникъ „XVIII вѣкъ“, т. II, стр. 390). При такомъ пониманіи дѣла, Екатерина, несмотря на свою слабость къ старинной аристократіи и необходимость расплачиваться крестьянами съ новымъ дворянствомъ, должна была если не твердо рѣшиться на освобожденіе, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать серьезныя попытки въ этомъ отношеніи.

Въ числѣ немногихъ лицъ, понимавшихъ все зло крестьянскаго рабства, былъ лифляндскій пасторъ Эйзенъ, со взглядами котораго были знакомы и Петръ III, и Екатерина. Этотъ Эйзенъ напечаталъ въ 1764 г. въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ „Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи“. Лифляндскій крестьянинъ, говоритъ Эйзенъ, не имѣетъ никакой собственности, помѣщикъ все можетъ отнять у него, можетъ вовсе прогнать съ земли и превратить въ батрака. Помѣщики высасываютъ изъ крестьянъ послѣдніе соки, торгуютъ ими, какъ скотомъ, мучатъ жестокими наказаніями. „Хотя законы (дѣйствовавшіе тогда въ Лифляндіи шведскіе) предписываютъ извѣстную мѣру наказанія, одна-

ко землевладѣльцу дано настолько свободы, что если онъ прикажетъ строго наказать крестьянина даже въ предписанныхъ закономъ границахъ, то наказанный можетъ лишиться жизни. Виновнаго привязываютъ къ столбу и двумя тонкими палками, вродѣ русскихъ батоговъ, около аршина длины, которыя или свѣжія срѣзаются съ дерева, или размачиваются въ водѣ, бьютъ его по голѣ спинѣ до тѣхъ поръ, пока палки не измочалятся и не сдѣлаются негодными къ употребленію. Это называется *дать пару розогъ*. Чѣмъ виновнѣе преступникъ или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ важнѣе считаетъ его помѣщикъ, тѣмъ болѣе онъ увеличиваетъ размѣръ наказанія, доходящаго до *десяти паръ* — высшей мѣрѣ, определенной закономъ. Если помѣщикъ накажетъ сильнѣе, то крестьянинъ можетъ жаловаться на него въ судъ, но это бываетъ рѣдко и крестьяне не жалуются, боясь подвергнуться за то еще болѣе жестокому наказанію. Въ 1764 же году Екатерина была въ прибалтійскомъ краѣ и собственными глазами могла удостовѣриться въ ужасномъ положеніи тамошнихъ крестьянъ, дошедшихъ до того, что даже нѣкоторые крупные помѣщики, вродѣ барона Шульца фон-Ашеридена, сами рѣшились ограничить помѣщичій произволъ посредствомъ составленныхъ ими постановленій. Эти постановленія, впрочемъ, были не больше, какъ либеральной комедіей, нѣсколько скрадывавшей безобразія помѣщичьей тираніи, но не дававшей никакого существеннаго облегченія крестьянамъ. Екатерина же хотѣла начать свой опытъ именно съ Лифляндіи, дворянство которой казалось ей гораздо безопаснѣе русскаго. Въ 1765 г. генераль-губернаторъ Броунъ отъ ея имени предложилъ ландтагу принять мѣры къ улучшенію быта крѣпостныхъ, объявляя, что „ея императорское величество изъ жалобъ ей приносимыхъ узнала, а при проѣздѣ отчасти и сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь, особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ не только общему благу, но и верховному праву короны“. Дворянство сначала заартачилось, ссылаясь на свои привилегіи, на прекрасное, по его словамъ, положеніе остзейскихъ крестьянъ, на то, что крѣпостное право основано на національномъ характерѣ латышей и эстовъ и „существованіе его вовсе не противорѣчитъ гуманности“. Въ-концѣ-концовъ благородное рыцарство должно было уступить

настойчивости правительства и составило правила, нѣсколько ограничившія произволъ помѣщиковъ. Но эти правила были обработаны такъ, что помѣщикъ всегда могъ обходить ихъ, да и они никогда не были приведены въ дѣйствіе, а правительство скоро перестало тревожить своими эмансипаторскими стремленіями какъ остзейскихъ бароновъ, такъ и русскихъ помѣщиковъ. Когда же въ 1769 г. эзельская земская комісія рѣшила ограничить власть помѣщиковъ, „и чрезъ сіе самое доставить эзельской провинціи время и случай сдѣлаться достойною вольности“, то послѣдовала резолюція: „оба сіи пункта принадлежатъ по существу своему до первоначальнаго въ государствѣ основанія и составляютъ вопросъ весьма деликатный, не менѣе-жъ сего и важный, а посему разрѣшеніе его зависить по надлежащему отъ общаго опредѣленія комісії уложенія“. Генералъ-губернаторъ сообщилъ это эзельской комісії, тѣмъ дѣло и кончилось („П. Собр. Зак.“, т. XVIII, № 13, 329).

Одновременно съ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса въ Остзеѣ обстоятельства заставили правительство настойчивѣе прежняго при-
 няться за него и въ Россіи. Въ 1763 г. помѣщики и правительство были встревожены чрезвычайно усилившимися побѣгами крестьянъ за польскую границу, и гр. Панинъ подалъ мнѣніе, что причинами этихъ побѣговъ служатъ разнообразныя злоупотребленія свѣтскихъ и духовныхъ властей, ужасная рекрутчина, отдачу въ которую людей крестьяне „почитаютъ за убійство и вѣчную разлуку“, и „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть, причемъ неумѣренная роскошь заставляеть собирать подати и употреблять въ работы не только болѣе тяжкія, чѣмъ за ближайшею границею, но и превосходящія силы человѣческія“. Другіе государственные люди, вродѣ Бестужева, считали подобныя мнѣнія чуть не революціонными и доказывали, что помѣщикъ долженъ имѣть безпредѣльную власть надъ крестьянами, да и самъ-то Панинъ, требовавшій ограниченія этой власти, предлагалъ разослать помѣщикамъ *секретное* постановленіе о томъ, чего они вправѣ требовать отъ своихъ крестьянъ (Соловьевъ, XXV, 282—4). Не сдѣлали даже этого, а ограничились поѣзкою посылкою въ Польшу военного отряда, который поймалъ и вывелъ въ Россію 2,027 бѣглыхъ. Между тѣмъ волненія крестьянъ не прекращались, и въ концѣ 1763 г. въ народѣ началъ расходиться под-

ложный указъ императрицы: „Время уже настало, чтобъ лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаютъ божій законъ и государственныя права и въ томъ много чинятъ російскому государству недобро. Прадѣды и праотцы російскаго государства монархи ихъ жаловали вотчинами и деньгами награждали, и они въ томъ забыли, что во истину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда-же впредъ было, когда любезный монархъ Петръ В. царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ божій и государственныя права крѣпко наблюдали. А нынѣ правду всю изринули да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что російскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли, или онымъ дворянамъ не умирать, или же имъ предъ Богомъ на судъ не быть, ея же мѣру мѣрите, возмѣритесь и вамъ. *Екатерина*“ (Сб. И. Общ., VII, 322). Указъ этотъ сильно распространился въ народѣ, такъ что правительство было вынуждено публиковать объ его подложности и сжечь его рукою палача (П. С. З. XVI, № 12,089). Но Екатерина и тѣ немногіе приближенные ея, которые не прочь были что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, понимали, что одними указами и карами волненій не усмирить. Въ іюнѣ 1765 года, по примѣру образовавшагося въ Бретани земледѣльческаго общества, гр. Р. Воронцовъ, Г. Орловъ, Тепловъ и др. составили „Патріотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи“, а императрица прислала отъ имени неизвѣстнаго 1,000 червонцевъ въ премію за рѣшеніе вопроса: „Въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ-ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то и другое для пользы общенародной имѣть можетъ?“ Къ соисканію преміи были допущены какъ русскіе, такъ и иностранцы. Къ назначенному сроку, 1 ноября 1768 г., общество получило 162 сочиненія, въ томъ числѣ русскихъ только 7, нѣмецкихъ 129, французскихъ 21, латинскихъ 3, голандское 1 и шведское 1.

Благороднѣе и раціональнѣе всѣхъ другихъ рѣшали вопросъ французы, особенно Грасленъ, сочиненіе котораго тѣмъ замѣчательнѣе, что у насъ еще до сихъ поръ нѣкоторые выродки славянофильства утверждаютъ, будто-бы идея освобожденія крестья-

янь съ землею чужда Западу. „Если считать крестьянъ членами государства, говоритъ Грасленъ, — то общее благо требуетъ, чтобы имъ были предоставлены выгоды, связанныя съ правомъ собственности какъ на землю, такъ и на движимое имущество, допуская при этомъ лишь тѣ ограниченія, какія существуютъ для другихъ, такъ-какъ общее благо всегда состоитъ въ счастіи наибольшаго числа людей“. Рабство и принадлежность земли лицамъ, занимающимся лично ея обработкою, по мнѣнію Граслена, противны природѣ. „Общее благо требуетъ, чтобы земля была собственностью единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обрабатываетъ, т. е. крестьянъ, но въ то же время они должны владѣть лишь такимъ количествомъ земли, какое могутъ сами обрабатывать, иначе они обратятся въ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ“. Точно въ томъ же смыслѣ рѣшали вопросъ пьемонтскій абатъ Васко и одинъ французскій фیزیократъ, приславшій, впрочемъ, только одно предисловіе къ сочиненію, которое онъ почему-то не могъ доставить къ сроку. „Если роковое стеченіе обстоятельствъ, писалъ онъ, — лишаетъ мое отечество преимущества подать первый примѣръ прочнаго и полного счастія, которое должно быть непремѣннымъ результатомъ осуществленія выводовъ фیزیократіи, то я желаю, чтобы вы, русскіе, воспользовались этимъ неоцѣненнымъ правомъ и подали всѣмъ другимъ возвышенный примѣръ. Вы научились у насъ по правиламъ науки истреблять людей посредствомъ свинца, желѣза и пороха; вы научились искусству ввѣрять свою жизнь ярости бурныхъ морей на судахъ, столь же ломкихъ, сколько и достойныхъ удивленія. Прекрасно и благородно будетъ съ вашей стороны научить и насъ, какъ обезпечить счастіе людей, производящихъ необходимые жизненные припасы, свободою и правомъ собственности, не тѣми неполными собственностью и свободою, какими мы теперь пользуемся въ своихъ полудивилизованныхъ государствахъ, но тѣми, границы которыхъ опредѣляются только высшею справедливостью“.

Гораздо умѣреннѣе рѣшали вопросъ остальные французы, въ томъ числѣ Беарде-де-Лабей, сочиненію котораго особенно повезло въ патріотическомъ обществѣ. „Въ пользу свободы, говоритъ онъ, — вопіютъ всѣ права, но есть мѣра всему“, и крестьянъ слѣдуетъ освобождать медленно, осторожно, постепенно, предварительно подготовивъ ихъ къ воспринятію свободы и собственности по-

средствомъ образованія; теперь же, при своей грубости и невѣжествѣ, они, пожалуй, и сами предпочитаютъ рабство... Еще умѣреннѣе оказался Вольтеръ, тоже псевдонимно участвовавшій въ конкурсѣ. Онъ полагалъ достаточнымъ только предоставить помѣщикамъ право добровольно освобождать крестьянъ и даже не настаивалъ на земельномъ надѣлѣ, какъ это дѣлали другіе французскіе соискатели преміи. „Всѣ крестьяне, говоритъ онъ,—не будутъ богатыми, да этого и не надо. *Нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли.... они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность*“. Изъ нѣмецкихъ авторовъ можно указать на Вельнера, предлагавшаго постепенно ограничить произволъ помѣщика и надѣлить крестьянина землей, но все-таки оставить его въ зависимости отъ владѣльца, на котораго онъ обязанъ работать, и, наконецъ, уничтожить сельскую общину. Въ томъ-же духѣ писало большинство другихъ нѣмцевъ. Лучшее изъ русскихъ сочиненій принадлежало Полѣнову. „Многіе славные люди утверждаютъ, говоритъ онъ,—что колючее угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно“, какъ это показываютъ возстанія илотовъ въ Греціи, рабовъ въ Римѣ, казаковъ въ Польшѣ, которая „великій уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла“. Положеніе русскихъ крестьянъ казалось ему ужаснымъ. „Ихъ бѣдственное состояніе на такой степень возшло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ-сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ.... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отчего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій каѣъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ“. Полѣновъ предлагалъ „для славы народа и пользы общества отмѣнить производимый человѣческою кровью безчестный торгъ“, надѣлить крестьянъ землей, „учредить такъ, чтобы крестьянинъ одинъ день въ недѣлю работалъ на господина, а въ прочіе на себя“; „просвѣтить народъ ученіемъ, сохранить его

здравіе, наставить при помощи здраваго правоученія“; завести школы, аптеки, лекарей, поставить крестьянъ подъ защиту суда, ибо „ежели господину оставлена будетъ надъ какимъ-нибудь родомъ имѣнія полная власть, то крестьянство никогда не можетъ подняться: опасность конечнаго разоренія воспретить ему въ судѣ искать помощи“ (Р. Архивъ 1865, с. 510—541).

Нѣкоторыя изъ сочиненій, представленныхъ въ патріотическое общество, были составлены въ духѣ самаго яраго крѣпостничества. Одинъ лифляндскій помѣщикъ, напр., доказывалъ, что „для общества полезнѣе и выгоднѣе, если крестьяне владѣютъ землею и движимымъ имуществомъ, какъ рабы“. „Свободные и притомъ невоспитанные крестьяне — это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, плохо слушаются всадниковъ; онѣ не годятся для полевыхъ работъ“; для нихъ необходимо „рабство, согласное съ справедливостью и христіанствомъ“ и состоящее въ томъ, что „рабъ принадлежитъ своему господину, не можетъ оставить его безъ его согласія; господинъ же можетъ продать его другому, какъ съ землею, такъ и безъ земли, и наказывать его за провинности: это право господинъ или унаслѣдовалъ отъ предковъ, или купилъ самъ, и оно должно покоиться на твердыхъ и несомнѣнныхъ привилегіяхъ“. Изъ русскихъ крѣпостниковъ раньше всѣхъ отозвался поэтъ Сумароковъ, заявившій, что „свобода крестьянъ не токмо обществу вредна, но и пагубна“, а надѣлать ихъ землею не только не слѣдуетъ, но и невозможно, такъ-какъ „земли всѣ собственныя дворянскія“. „Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи, однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянъ, а другое ради дворянина“. Въ крѣпостническихъ сочиненіяхъ, представленныхъ въ общество, особенно обращаетъ на себя вниманіе то крайнее однообразіе мнѣній, какое господствовало тогда у всѣхъ крѣпостниковъ, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ. Всѣ они твердили одно, что безъ крѣпостнаго мужика барину жить невозможно, и прибавляли, что безъ барина и мужикъ тоже погибнетъ въ свою очередь. Княгиня Дашкова въ своей бесѣдѣ съ Дидро доказывала, что „свобода безъ образованія непременно вызоветъ безначаліе и смуту. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщенны, тогда они сдѣлаются достойными свободы, потому что будутъ умѣть пользоваться ею, не

вреда своимъ согражданамъ и не нарушая необходимой во всякомъ цивилизованномъ обществѣ подчиненности“ (XVIII в., I, 271). Одинъ изъ самыхъ мыслящихъ людей того времени, Болтинъ, пишетъ: „не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ пособія и облегченія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; *прежде должно учинить свободными души рабовъ*, какъ говоритъ Руссо, *а потомъ уже тѣла...* Не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться... Та же самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другого будетъ руководствомъ къ несчастію, къ гибели. Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ; германская не сдѣлаетъ ихъ состоянія лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну... Все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобы не прежде даровать имъ свободу, какъ науча ихъ познать ея цѣну и какъ надлежитъ ею пользоваться“. Неизвѣстный авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ“, — размышленія, сдѣлавшагося чѣмъ-то вродѣ символа для нашихъ крѣпостниковъ, напр., для Каразина, — говоритъ еще рѣшительнѣе противъ эмансипаціи, приводя противъ нея, между прочимъ, слѣдующіе аргументы: „Если мы возьмемъ физическое положеніе страны нашей, то увидимъ, что холодный климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а проникательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ принятію болѣе пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ характеры наши сангвиническими; довольно же веѣмъ извѣстно, что сангвиническій характеръ есть *характеръ наглый и стремительный* въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія и начинаютъ; а если по роду жизни примѣшается къ оному флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее состояніе суровости и злопамятства... По сему извѣстному характеру да разсудить каждый, легко ли таковыхъ поселянъ, учиня ихъ свободными, общими законами задержать!.. Флегматическій характеръ производится отъ застоя движенія крови въ зимніе мѣсяцы и отъ недостатка движенія тѣла, также отъ самыхъ топленыхъ покоевъ,

въ коихъ густота воздуха приводитъ въ ослабленіе наши члены, къ лѣности и къ увальчивости насъ склонными чинить, при свободѣ же крестьянъ не умножатся-ли сіи характеристическіе пороки? Россійскій народъ, по ослабленіи надъ нимъ начальства, впадетъ въ непрерывную лѣность, ибо точно примѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т. е. менѣе побужденія имъ промыслять себѣ прибыль, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадаютъ въ лѣность“ („Чтенія“, 1861 г., III). Это было самое солидное изъ русскихъ крѣпостническихъ сочиненій XVIII вѣка; въ патріотическое же общество было представлено нѣсколько такихъ записокъ, которыя сочтено невозможнымъ допустить къ конкурсу по ихъ нелѣпости; объ одной изъ нихъ въ журналахъ общества отмѣчено: „весьма обстоятельное и юмористическое сочиненіе“, а о другой: „дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія“. Вѣроятно, эти сочиненія были вродѣ слѣдующаго, посланнаго въ общество уже послѣ срока:

„Понеже сдѣлана въ прошломъ 1766 г. амблемать, т. е. задача: рѣшить, что полезнѣе ради поселянъ, быть-ли имъ обладателями одного движимаго имѣнія или недвижимаго къ пользѣ государства, на что всепокорно доношу и нижайше прошу двѣ причины мнѣ зачесть въ отпущеніе:

„1) Опоздалъ я вышерѣченный амблемать рѣшить за болѣзнію моею, что я пролежалъ весь прошлый годъ жестокой лихорадкою.

„2) Штиль мой, т. е. композиція, не очень исправна, идеографіи во ономъ композическомъ штилѣ не имѣется. Того для прошу смотрѣть на мое мнѣніе, а не на композицію, понеже я человѣкъ неграматикальный и никакихъ исторій отъ роду не читывалъ...

„3) При свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, какъ нынѣ, и на обширной Россійской землѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто, дѣлая помѣшательство въ государственныхъ сборахъ, а за моремъ, у неправославныхъ христіанъ, за грѣхи ихъ, по числу людей земли имѣется весьма малая толика, такъ что каждый крестьянинъ радъ тому, что отжухарится.

„4) У крестьянъ съ помѣщиками, еслибы крестьяне были на заморскомъ основаніи, была бы тяжба безконечная, и ихъ сіятельства фельдмаршалы и фельдцейхмейстеры, командующіе славною Россійскою арміею, были бы принуждены на огурщикова бить челомъ комисарамъ.

„5) Изъ крестьянъ помѣщики научаютъ не только камердинству, но и столярству и партесному пѣнію; того ради, ежели бы поселяне по заморскому отъ господъ зависѣли, такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, т. е. поливай, или супа, т. е. похлебки, или паштета, т. е. пирога. А за моремъ фракасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все същещь.

„6) Какъ наша Россія многогородна столько будетъ, какъ голландское королевство, попы наши такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземскіе, дворяне — такіе острономы, какъ англійскіе и французскіе, а крестьяне будутъ знать букварь, и, слѣдовательно, будутъ совѣстѣй и больше будутъ повиноваться страху Божию и чаще будутъ ходить въ церкви, нежели въ питейные дома, не будутъ на Волгѣ разбивать струговъ, и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе получить, умѣе станетъ, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи. А сіе композическое сочиненіе — сущая, неложная правда!“ („Русск. Арх.“, 1870 г., 288—291).

Лучшими сочиненіями изъ 162-хъ общество признало записки Беарде-де-Лабеля и Полѣнова, но въ послѣдней нашло „многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія, а потому за нужное признали, что если кому въ собраніи знаемъ авторъ, то чрезъ него велѣть ему немедленно оное переправить и тогда его пьесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классовъ преимуществъ, кромѣ печатанія“ („Русск. Арх.“, 1865). Записки де-Лабеля, Вельнера, Мека и Граслена было рѣшено напечатать въ подлинникахъ, а первую, кромѣ того, перевести на русскій. Затѣмъ начались споры о томъ, печатать или нѣтъ русскій переводъ де-Лабеля. 9-го іюля за малочисленностью собранія вопросъ былъ отложенъ; 16 числа за напечатаніе было подано 3 голоса, а противъ—12; при вторичномъ же голосованіи 5 за и 16 противъ; потомъ чрезъ недѣлю 11 за и 16 противъ; но такъ-какъ сама Екатерина и нѣсколько вельможъ, вродѣ Воронцева и Чернышева, были за напечатаніе, то записка, наконецъ, и была напечатана; проектъ же Полѣнова, даже въ передѣланномъ и очень смят-

ченномъ видѣ остался въ рукописи. Гласнаго обсужденія вопроса въ печати тоже не было, и литература говорила о крѣпостномъ правѣ только намеками и экивоками. Еслибы на мѣстѣ Екатерины былъ человѣкъ вродѣ Петра В., дѣло пошло бы несомнѣнно иначе; у Екатерины же оказалось мало энергіи и еще меньше самоотверженной любви, чтобы дѣйствовать такъ, какъ она думала. А думала она и выражалась о крѣпостномъ правѣ чисто по-петровски, какъ показываетъ, напр., найденная Соловьевымъ на отдѣльномъ клочкѣ бумаги записка ея, относящаяся къ какому-то крѣпостническому мнѣнію, можетъ быть изъ тѣхъ, которыя были представлены на конкурсъ патріотическаго общества: „Если крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славы и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. *Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго заведенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано*“ (Соловьевъ, XXVII, 329).

Въ этихъ словахъ слышится сильное негодованіе, но въ Екатеринѣ негодовало собственно не гражданское чувство, не искренняя гуманность, а раздраженное самолюбіе умнаго и развитого человѣка, которому противна какая-нибудь „скотина“, оспаривающая его свѣтлые, прогрессивные и гуманные взгляды. Такіе споры, словесные и письменные, вела съ Екатериной не одна такая „скотина“, особенно во время составленія Наказа, которымъ царица занималась въ то-же самое время, какъ разные авторы писали на предложенную ею черезъ патріотическое общество тему. Въ рѣшеніи Екатерины собрать законодательное собраніе въ сущности не было ничего новаго и она только воспользовалась уже готовыми старыми мѣхами, чтобы попыбовать влить въ нихъ новое вино. Потребность хоть въ какомъ-нибудь стройномъ законодательствѣ чувствовалась еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, который для своего уложенія воспользовался земскимъ соборомъ, этою пережившею формою древняго вѣча. Но алексѣевское уложеніе устарѣло уже при Петрѣ, который въ 1700 г. поручилъ боярамъ составить новое уложеніе, но они ничего не сдѣлали. При Екатеринѣ I, для большей успѣшности дѣла и скорости, велѣно „быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны“.

Уложеніе велѣно было кончить въ 1726 г., но снова ничего не было сдѣлано. Потомъ хотѣли-было поручить это дѣло пр. Врен- гиштейну, „мужу науки высокой“, но почему-то не рѣшились. При Петрѣ II попробовали обратиться къ выборному началу и предписали выслать въ Москву къ сентябрю 1728 г. „за выбо- ромъ отъ шляхетства, изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по 5 человѣкъ“. Но въ сентябрѣ депутатовъ прі- ѣхало въ Москву чрезвычайно мало; сенатъ настаивалъ о вы-сылкѣ неявившихся, но они не хотѣли ѣхать, притворялись боль-ными, даже спасались бѣгствомъ, такъ-что для поимки ихъ и препровожденія въ Москву, напр., новгородскаго депутата Ско-бельцына и псковскаго Ушакова, посылались солдатскія команды, которымъ предписывалось, въ случаѣ укрывательства депутата, брать подъ караулъ его жену, а если и она скроется, то дви-жимое и недвижимое имѣніе ихъ брать на государя. Нѣкоторые воеводы дѣлали депутатамъ „смотри“ и забраковывали глухихъ, хромыхъ, старыхъ и дряхлыхъ, считая ихъ „къ предположен-ному дѣлу неспособными“. Выборныхъ кое-какъ стащили, нако-нецъ, въ Москву въ началѣ 1729 г., но уже въ маѣ ихъ рас-пустили по домамъ, увидя ихъ негодность. Потомъ велѣно было выбрать другихъ депутатовъ, „знатныхъ и добрыхъ“, по 2 чело-вѣка отъ губерніи, и самый выборъ ихъ былъ предоставленъ гу-бернаторамъ, которые почему-то никого не прислали. При Аннѣ снова распорядились „начатое уложеніе немедленно окончить и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества“. Выбранные съѣхались въ Москву осенью 1730 г., но въ концѣ того-же года ихъ распу-стили, снова поручивъ окончаніе уложенія чиновничьей комисіи, ко-торая и тянула канитель цѣлыя 36 лѣтъ, ничего не сдѣлавъ, пока Екатерина не рѣшилась снова созвать выборную комисію на болѣе разумныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежде („Сб. ист. общ.“, т. II). Екатерина вполнѣ основательно разсудила, что при тогдашнемъ невѣжествѣ русскаго общества необходимо подготовить депута-товъ, по возможности воспитать ихъ политически на скорую ру-ку, и для этого принялась за свой Наказъ. Работа закипѣла и сама Екатерина такъ увлеклась ею, что писала г-жѣ Жоффренъ въ іюнѣ 1765 г.: „Въ этомъ трудѣ я высказалась вполнѣ и не

скажу болѣе ни слова въ продолженіи всей жизни. Общее мнѣніе тѣхъ, которые прочли Наказъ, что онъ — non plus ultra совершенства, но мнѣ кажется, что можно еще кое-что исправить. Я не хотѣла помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что каждый сталъ бы дѣйствовать въ различномъ направленіи, а здѣсь надо провести одну только нить и крѣпко за нее держаться“. Въ то же время Екатерина сообщала своимъ европейскимъ друзьямъ, что Наказъ въ сущности не ея сочиненіе, а только компиляція *); въ письмѣ къ Дидро, напр., она говоритъ, что „на пользу имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающей, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20,000,000 людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человечество, чтобы этимъ обидѣться“. Несмотря на чисто-компилятивный характеръ работы, съ нею пришлось возиться долго, и передъ окончаніемъ Наказа Екатерина писала Даламберу: „Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено; однако, придется рѣшиться къ назначенному мною сроку“ („Сб. ист. общ.“, X, 31, 94, 167). Наконецъ, въ февралѣ 1767 г. Наказъ былъ готовъ, Екатерина отвезла его въ Москву, пригласила къ себѣ разныхъ сановниковъ и велѣла читать составленное ею. „Тутъ при каждой статѣ, говоритъ она, — родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарывать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано мною, помарали, и остался Наказъ, яко оный напечатанъ“ („Рус. Арх.“, 1865, 479). Кромѣ словесныхъ преній, происходившихъ въ присутствіи царя, многіе посылали ей свои письменныя замѣчанія. Многимъ казалось, что принципы Наказа разрушаютъ основы общества, или, какъ выразился гр. Панинъ, „могутъ разрушить стѣны“. Духовныя особы, мнѣнія которыхъ спрашивала Екатерина, отнеслись къ Наказу далеко не такъ сочувственно, какъ объ этомъ говорятъ гг. Сухомлиновъ („Ист. рос. акад.“, I, 61) и В. Семевскій („Крестыанскій вопросъ“, III, 379). Правда, въ своемъ письмѣ на имя гр. Панина епископы Инокентій и Гавріилъ и іеромонахъ Платонъ восхваляли „сіе божественное законодательство“, даже сказали, что его внушилъ самъ „божій духъ“, но въ при-

*) Изъ 526 параграфовъ Наказа болѣе 250 взято изъ Монтескье и около 100 изъ Бекаріа.

ложенныхъ къ этому письму замѣчаніяхъ на Наказъ они, хотя въ очень мягкой формѣ, указали въ Наказѣ не мало мѣстъ, по ихъ мнѣнію, ошибочныхъ и вредныхъ, какъ, напр., мысль, что „всѣ политическіе пороки не суть пороки моральные“, или статья, которою „уменьшается великость святотатства“. Они требовали усиленія наказаній святотатцевъ и богохульниковъ, полагали, вопреки Наказу, что суровыя казни необходимы для „рода человеческого изверговъ“; оспаривали мнѣніе Екатерины объ оскорбленіи величества; желали, чтобы была ограничена „сочиненій вольность“, настаивали на необходимости уголовного преслѣдованія еретичества („Жизнь митрополита Платона“, И. Снегирева, I, 116—121). Изъ письменныхъ мнѣній свѣтскихъ людей особенно характерна записка Сумарокова, выдержки изъ которой мы сообщимъ здѣсь вмѣстѣ съ набросанными на поляхъ ея замѣтками Екатерины, которыя у насъ набраны *курсивомъ*.

„Вмѣсто нашихъ училищъ, а особливо вмѣсто кадетскаго корпуса, потребны великіе и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескіу, но и въ немъ многое критикѣ подлежатъ, о чемъ противъ его и писано. — *Многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его: я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣляю.*

„VII. Умѣренности правосудіе не терпѣтъ, а требуетъ надлежащей мѣры, а не строгости и не кротости. — *Изображеніе (воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело.*

„X. Для краткости времени безъ возраженія мною оставлена. — *Потери нѣту.*

„XI. Господинъ долженъ быть судья, это — правда; но иное быть господиномъ, а иное тираномъ; а добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ. — *Богъ знаетъ: развѣ по чинамъ качества читать.* — Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣ-

сто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. (Не отъ роду).—Въ другихъ государствахъ и въ Украинѣ другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отъятія помѣщичьяго покоя не можетъ. Мы въ деревняхъ во вѣки не жить; но всѣ дворяне, а, можетъ быть, и крестьяне сами такую вольностію довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ.—И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи („Сб. ист. общ.“, X, 85—86).

Хотя Екатерина, какъ мы видѣли, и думала, что многое въ подобныхъ мнѣніяхъ „совершенно для скотины и скотиною дѣлано“, но она не рѣшалась ни высказывать этого открыто, ни отстаивать собственныхъ убѣжденій, а терпѣливо покорялась требованіямъ ея-же приглашенныхъ цензоровъ. Такимъ образомъ, въ Наказѣ было многое передѣлано и смягчено, особенно параграфы, относящіеся къ крѣпостному праву. Въ печатной редакціи говорится только о необходимости ограничить злоупотребленія рабства, умѣрить поборы, дать мужику какую-нибудь собственность и свободу въ выборѣ себѣ женъ; при этомъ Наказъ замѣчалъ, что „не должно вдругъ и чрезъ узаконенія общія дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. Въ первоначальной же редакціи кромѣ того предлагалось обязать помѣщиковъ обезпечивать больныхъ и старыхъ крестьянъ, даже отпущенныхъ ими на волю, ограничить помѣщичье право наказанія, ввести, по примѣру Финляндіи, судъ изъ присяжныхъ крестьянъ, „который можетъ воспрепятствовать сильно мучительству господъ, дворянъ, хозлевъ“, освобождать за изнасилованіе помѣщикомъ дѣвицы или женщины всю семью ея; ограничить извѣстнымъ числомъ лѣтъ срокъ рабства („Сб. ист. общ.“, X, 152—156). Какія передѣлки и смягченія были сдѣланы въ другихъ отдѣлахъ Наказа—неизвѣстно, но можно съ полною достовѣрностію сказать, что они касались главнымъ образомъ основныхъ идей Наказа — полной терпимости въ дѣлахъ вѣры, правды и милости въ судахъ, ограниченія произвола закономъ. Екатерина надѣялась, что подъ вліяніемъ этихъ

идей Наказа „законы будутъ преисполнены терпимости, никого они не будутъ преслѣдовать, убивать и жечь“ (id., 346). По поводу „очень язвительныхъ сочиненій“ Наказъ замѣчалъ, что „весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнуть дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметь“. Вмеѣстѣ съ тѣмъ Наказъ требовалъ, чтобы арестъ не могъ быть налагаемъ иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи, „что *гражданинъ* во преступленіе впалъ“. Пытку и всякія уголовныя жестокости Наказъ энергически отвергалъ даже въ своей смягченной редакціи.

Наказъ былъ напечатанъ въ іюлѣ 1767 г. и произвелъ на общество благопріятное впечатлѣніе, иностранцы же были отъ него въ восторгѣ, а во Франціи правительство запретило его, какъ вредную книгу. Еслибы Наказу было дано широкое распространеніе и дозволено печатное обсужденіе его, то почва для реформъ скоро была-бы приготовлена, но нерѣшительность, боязливость и уступчивость Екатерины доходили до того, что Наказъ даже въ Россіи считался книгою *вредною, опасною* и былъ запрещенъ какъ для публики, такъ и для массы служащихъ чиновниковъ! Онъ не былъ посланъ даже въ присутственныя провинціальныя мѣста, а только въ департаменты сената, коллегіи, въ судный приказъ и въ канцелярію конфискаціи, да и этимъ вышшимъ государственнымъ учрежденіямъ предписывалось, „чтобъ экземпляры Наказа содержаны были единственно для свѣденія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ и *чтобъ оныя никому ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванья, но ниже для прочтенія даваны были*, для чего и имѣть ихъ всегда на судейскихъ столахъ при зеркалахъ“ (Соловьевъ, XXVII, 145). Скрывали то, что прежде всего требовало гласности, что должно было обсуждаться въ собраніи депутатовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ государства! Не ясное-ли дѣло, что твердой рѣшимости произвести реформы вовсе не было, и не правы-ли были тѣ современники, которые, подобно Винскому, считали все это дѣло комедіей (Русск. Арх., 1877, 101)? Впрочемъ, комисія уложенія была не столько комедіей, сколько мелодрамой, и Екатерина болѣе всего старалась,

чтобы эта мелодрама произвела надлежащее впечатлѣніе на Европу, чтобы эпоху, слѣдовавшую за вѣкомъ Людовика XIV, называли вѣкомъ Екатерины. Она часто писала своимъ европейскимъ друзьямъ объ этой комисіи, которая должна составить наилучшіе законы („Сб. ист. общ.“, X, 176, 410). „Я смѣю предсказывать, писала она въ 1765 г. Вольтеру,—успѣхъ этой важной работы, основываясь на горячемъ участіи, которымъ каждый проникнуть къ ней. Мнѣ думается, что вамъ понравилось бы быть за столомъ, за которымъ православный, сидя съ еретикомъ и мусульманиномъ, мирно слушаютъ мнѣніе идолопоклонника и уговариваются часто все четверо для того, чтобы сдѣлать свой разговоръ сноснымъ для всѣхъ. Они такъ хорошо забыли обычай сжигать взаимно другъ друга, что еслибы нашелся какой-нибудь недогадливый и предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду высшему существу, то я ручаюсь, что не найдется ни одного, который бы не отвѣчалъ: „онъ человекъ, какъ я, а на основаніи перваго параграфа инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу сколько возможно болѣе добра и нисколько зла“. Увѣряю васъ, что я никакъ не преувеличиваю и что въ дѣйствительности дѣла идутъ такъ, какъ я вамъ это рассказываю. Еслибы понадобилось, у меня было-бы 640 подписей, съ епископской вверху, подтверждающихъ эту истину. На Западѣ, можетъ быть, скажутъ: какія времена, какіе нравы! Но сѣверъ сдѣлаетъ, какъ луна, которая продолжаетъ свой путь“ (ib., 35—36). Екатеринѣ хотѣлось и другимъ показать, и даже увѣрить самую себя, что Россія подъ ея правленіемъ благоденствуетъ. Когда передъ самымъ открытіемъ комисіи она объѣзжала центральныя губерніи и Поволожье, то изумлялась богатству народа: „все въ изобиліи, все есть и все дешево“ (ib., 208). Ее радовалъ также тотъ фактъ, что изъ поданныхъ ей во время этой поѣздки 600 просьбъ не было ни одной на чиновниковъ (ib., 216). Не мудрено, что при такой склонности къ самообольщенію она могла, не смѣясь внутренне, писать Вольтеру: „Наши налоги такъ необременительны, что въ Россіи нѣтъ мужика, который бы не имѣлъ курицы, когда онъ ее захочетъ, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ. Вывозъ хлѣба, дозволенный съ нѣкоторыми ограниченіями для предупрежденія злоупотребленій, безъ стѣсненія

торговли, возвысилъ цѣны на этого рода произведенія и столько доставляетъ удобства земледѣльцу, что и хлѣбопашество умножается годъ отъ году. Народонаселеніе также во многихъ областяхъ въ послѣднія семь лѣтъ удесятирилось. Правда, что у насъ война, но Россія уже давно занимается этимъ ремесломъ и послѣ каждой войны она выходитъ болѣе цвѣтущею, чѣмъ была при началіи ея“ (ib., 345).

Въ комисію выбирались депутаты со всей имперіи, по одному отъ сената, синода, каждой коллегіи, отъ дворянства каждого уѣзда, отъ каждого города, отъ однодворцевъ каждой провинціи, пахотныхъ солдатъ, казенныхъ крестьянъ, инородцевъ и казачьихъ войскъ. Всѣхъ депутатовъ было при открытіи комисіи 428. Духовенство и крѣпостные крестьяне всѣхъ разрядовъ, дворцовые, помѣщичьи, заводскіе, т. е. почти половина жителей имперіи, вовсе лишены были права посылать въ комисію депутатовъ, между тѣмъ какъ никто, вѣроятно, не ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ результатовъ комисіи, какъ крѣпостные, которыхъ по словамъ официального акта страшно волновали *„слухи о перемѣнѣ законовъ“* (Соловьевъ XXVII, 145). Остальные же сословія встрѣтили указъ о созваніи комисіи не особенно радостно. Въ отдаленномъ Енисейскѣ обыватели даже перепугались такого необычайнаго дѣла и никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву депутатомъ, — всѣ боялись, и депутатомъ выбрали нелюбимаго почему-то обществомъ жившаго въ Енисейскѣ дворянина Степана Самойлова, выбрали единственно за тѣмъ, чтобы насолить ему! Самойловъ согласился и требуетъ наказа, обыватели не даютъ наказа и никому не поручаютъ писать его. Самойловъ самъ составилъ себѣ наказъ, — обыватели не подписываютъ, а Самойловъ не рѣшается ѣхать съ неподписаннымъ. Наконецъ, наказъ подписали, но не даютъ Самойлову денегъ на дорогу; кое-какъ онъ уломалъ ихъ асигновать ему 100 р., но, какъ ни бился, чтобы назначили больше, — не прибавили ни копейки *).

*) Эти факты взяты мною изъ бумагъ Самойлова, съ престарѣлымъ сыномъ котораго, вологодскимъ помѣщикомъ, меня познакомилъ въ 1864 г. бывшій енисейскій губернаторъ, генераль-маіоръ Замятинъ, предложившій мнѣ написать историческую статью для памятной книжки енисейской губерніи. Самойловъ для этой статьи далъ мнѣ упомянутые документы, которые потомъ, по окончаніи статьи, я возвратилъ ему. Статья моя вручена была генералу Замятину, но обстоятельства помѣшали ей появиться въ печати.

Въ Малороссіи указъ о собраніи депутатовъ тоже возбудилъ и недовольство, и сумятицу. „Новый проектъ уложенія, писалъ государынѣ Румянцевъ, — не производитъ здѣсь во многихъ большихъ таковаго дѣйства и признанія вашего и. в. благоволенія, не переиъняетъ наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: зачѣмъ намъ тамъ и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть, конечно, надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привилегій подтвержденія... Вельможи, старшины и шляхетство, вездѣ разнo толковали о манифестѣ. Иные говорили, что все сіе до нихъ не слѣдуетъ; другіе, ослѣпленные любовію къ своей землицѣ, думали, что ихъ, какъ ученыхъ и правныхъ людей, созываютъ токмо для совѣта и сочиненія новаго уложенія для великороссіянъ; не хотѣли сіи, превращенные изъ ничего собою и большею частію чрезъ деньги, отнятіе чужихъ земель, а иногда по женамъ въ дворяне, и слышать, чтобы сидѣть съ мѣщанами, считая сіе предосудительнымъ чести своей, именуячи всегда гражданъ мужиками... Не обошлось безъ того ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой, раздраженный, имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида; уличаемо было, что и по нѣскольку разъ свои имена нѣкоторые по надобностямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе безчестные пороки тутъ примѣшались. Я имъ, подтверждая молчаніе и тишину по силѣ обрядовъ, всегда на то отвѣчалъ, что до ихъ фамилій, породъ и покоровъ надлежитъ, то я какъ матрикулій, такъ и о поведеніяхъ ихъ никакого свѣденія не имѣю. Но какъ скоро доходило до выбора депутатовъ и сочиненія особливо наказа, тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе; вездѣ согласно закричали и зачали тѣмъ, чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы всѣ оставлены, войска выведены, шляхетство отъ взятія пошлинъ уволено; нѣкоторые же, бывшіе особливо въ администраціи гетманскихъ экономій, отзывались, чтобы настоять и неотступно просить гетмана по-прежнему“ (Соловьевъ, XXVII, 47—8). Такъ было въ

Черниговѣ и Стародубѣ. Въ Полтавѣ Кочубей едва могъ склонить чиновниковъ къ засѣданію съ городскими жителями. Въ Прилукахъ горожане вовсе не хотѣли идти въ собраніе, считая, что „все, что у нихъ есть, то лучше всего“. Въ Лубнахъ старшина и чиновники не допустили мѣщанъ до составленія наказа, за то, что мѣщане хотѣли помѣстить въ наказъ жалобы на нихъ. Въ Погарѣ городскимъ головой былъ выбранъ Денисъ Приваловъ, который и велѣлъ собраться всѣмъ жителямъ города для избранія депутата; но многіе „изъ воинскаго званія и разночинцы“ на выборы не пошли, и когда Приваловъ началъ вести дѣло съ одними мѣщанами и пришелъ въ магистратъ съ пятью членами, избранными для написанія наказа, то войтъ Панасъ со шляхетствомъ выгналъ ихъ изъ магистрата. Когда въ другой разъ Приваловъ съ мѣщанами хотѣлъ идти въ магистратъ для прочтенія наказа, то Панасъ заперъ магистратъ и ихъ туда не пустилъ. Приваловъ, однако, настоялъ на исполненіи указа и собралъ жителей Погара въ магистратъ для слушанія наказа. Два дня читали наказъ спокойно, но на третій Панасъ сталъ толковать, что не надобно слушать „новизны“ и склоняться къ ней, не надобно смотрѣть ни на какіе „сторонніе страхи“, что „новизнѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться, новизна того, что въ старину сдѣлано, поправить не можетъ“, и наустилъ бывшаго прежде войтомъ въ Погарѣ Песоцкаго, его сына, земскаго писаря войсковаго товарища Соболевскаго, священникова сына Сороку, сыновей бывшаго мѣщанина Джури и прочихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мѣщанами, казаковъ-урядниковъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ вооружиться противъ наказа, сочиненнаго для врученія депутату. Они стали шумѣть, порицая тѣхъ пять человекъ, которые были выбраны для сочиненія наказа, желая сами быть выбранными, но это имъ не удалось; когда же Приваловъ повѣстилъ всѣмъ гражданамъ собраться для слушанія и подписи наказа, то противники объявили, что они уже послали къ генераль-губернатору просьбу, чтобъ выбрать другого голову, а Привалова оставить, и до полученія резолюціи слушаться Привалова не будутъ. Въ просьбѣ своей они писали, что Приваловъ былъ выбранъ по большей части мѣщанами, самыми простыми и неграмотными, голова онъ былъ „недостаточный“, самъ собою, безъ вѣдома горожанъ, принялся за сочиненіе наказа, въ маги-

стратѣ шумѣль, бранился и многихъ исключалъ изъ общества; къ сочиненію наказа выбралъ людей, которые и простого письма написать не умѣютъ. Но они не дождались благопріятной для себя резолюціи. Румянцевъ послалъ въ Погаръ члена малороссійской коллегіи кн. Мещерскаго изслѣдовать дѣло, и Панасъ былъ преданъ суду (Соловьевъ, XXVII, 47—57). Въ столицахъ и большихъ городахъ такихъ безобразій не было, выборы происходили чинно, въ депутаты выбирали большею частью сановниковъ, служили молебны съ водосвятиемъ, угощались торжественными обѣдами съ пушечною пальбою (Сб. И. О., IV, 7—29). Одновременно съ этими торжествами шли хлопоты о составленіи депутатскихъ наказовъ, для чего выбирались люди наиболѣе толковые и грамотные. Но такихъ было очень мало даже среди дворянства. На это безграмотство дворянъ жаловались нѣкоторые даже въ самыхъ наказахъ (ib., т. XIV, стр. 433). Подъ наказомъ боровскаго дворянства изъ 27 подписавшихся дворянъ за пятерыхъ по ихъ безграмотству подписались другіе (ib., IV, 241). Подъ наказомъ михайловскаго уѣзда обозначено дворянъ 49 грамотныхъ и 81 безграмотный (стр. 279). Подъ судиславльскимъ наказомъ изъ 62 дворянъ 13 безграмотныхъ (стр. 281). Подъ наказомъ калужскаго и медынскаго уѣздовъ изъ 27 дворянъ 10 безграмотныхъ (стр. 295); подъ зарайскимъ наказомъ 41 грамотный и 7 безграмотныхъ; подъ рязанскимъ 88 грамотныхъ и 42 безграмотныхъ; подъ ростовскимъ наказомъ 55 грамотныхъ и 13 безграмотныхъ (стр. 328, 348, 350, 358). Подъ алексинскимъ наказомъ дворянъ грамотныхъ 19, безграмотныхъ 5 (т. VIII, стр. 543); подъ ржевскимъ 56 грамотныхъ и 7 безграмотныхъ; подъ бѣлозерскимъ 51 грам. и 8 безграм.; подъ устюжскимъ 28 гр. и 10 безгр.; подъ бѣжецкимъ 150 гр. и 29 безгр.; подъ вологодскимъ 74 гр. и 33 безгр.; подъ чухломскимъ 51 гр. и 22 безгр.; подъ кологривскимъ 4 гр. и 6 безгр. и т. д. (т. XIV, стр. 290, 297, 324, 362, 467, 483, 491). Понятное дѣло, что при такомъ невѣжествѣ составлять наказы было трудно, и многіе уѣзды посылали въ другіе, болѣе грамотные уѣзды и списывали для себя частями или даже цѣлкомъ составленные тамъ наказы. Такъ костромской наказъ списать съ любимскаго, малоярославецкій съ зарайскаго, зарайскій же съ рязанскаго, или наоборотъ, шуйскій съ юрьевского, кашин-

скій съ московскаго, лихвинскій съ воротынскаго или перемышльскаго, духовскій съ одоевскаго и тульскаго, алексинскій съ калужскаго и медынскаго, деревскій съ водскаго и т. д. (т. IV, 245, 321, 390, 459; VIII, 439, 479, 536; XIV, 259). Нѣкоторые наказы, какъ видно по слогу, составлялись или, по крайней мѣрѣ, редактировались священниками или подъячими, какъ, напр., перемышльскій: „Въ заключеніе сего возведемъ паки очи наши ко Всевышнему, со умиленіемъ всѣмъ обще моля его, да сохранить ея и. в. здравіе до наипозднѣйшихъ ея лѣтъ и да благословить посѣянные ею нивы и поля преславныхъ предпріятій, одождая на нихъ своею благодатію“ и т. д. (VIII, 458). Нѣкоторые уѣзды, будучи въ невозможности ни составить наказа, ни списать его, заявляли въ немъ только, что они всѣмъ довольны, ничего имъ не нужно или, какъ выразились муромскіе дворяне: „мы, будучи въ общемъ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи, *никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ*“ (IV, 318; VIII, 511). Михайловскіе дворяне, прося нѣкоторыхъ привилегій, писали, что „за симъ, *по нашему слабому разсудку, не находимъ ничего болѣе желать*“ (IV, 272). Юрьево-польское дворянство, заявивъ, что оно „не точію всѣмъ довольно, но и не по достоинству своему пожаловано“, продолжало: „что же касается до представленій объ общихъ нуждахъ и недостаткахъ, то за недовольнымъ числомъ насъ, бывшихъ нынѣ въ собраніи, *а особенно по скудоумію нашему, представить не можемъ*“ (id. 218). Ярославское дворянство тоже ссылалось на свое „скудоуміе“ (стр. 305). Ни кушцы, ни казаки, ни однодворцы, ни крестьяне, ни пахотные солдаты, ни даже дикіе ивородцы Сибири не клеймили себя такъ позорно, какъ „благородный шляхетный корпусъ“.

С. Шашковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ
ИНВЕНТАРНО-КАТАЛОГЪ
1908

ПАУТИНА.

(Сценн.)

Былъ жаркій іюльскій день, когда я въ первый разъ подъѣзжалъ къ селу Т...ъ. Усталые кони съ трудомъ взбирались на гребни холмовъ, на которые взбѣгала порою узенькая проселочная дорога. Въ воздухѣ было тихо и душно, и даже комары, стаями кружившіеся, преслѣдуя насъ во весь путь, попрятались отъ зноя. Ямщикъ дремалъ, лѣниво понукая лошадей и помахивая на нихъ кнутомъ. Когда же показалось село, внезапно выглянувшее изъ-за холма, онъ оживился и, обернувшись ко мнѣ, спросилъ: „къ Кузьмѣ Терентичу завезти тебя, што-ли?“

— Вези къ кому хочешь! отвѣтилъ я.

— Поѣдемъ къ нему: домовитый мужикъ-то, первый въ селѣ. У него всякое начальство останавливается, по-купецки живетъ! пояснилъ онъ.

— Богатый, значить? спросилъ я.

— И-и, страсть вымолвить! протянулъ онъ, сидя на облучкѣ, въ полъ-оборота ко мнѣ. — Коней однихъ што-о, упаси Господи! Всякій заводъ есть, касательно чего ни возьми. Однихъ самоваровъ, скажу тебѣ, никакъ дюжину будетъ, во-отъ какой чинный мужикъ!

— Торгуешь развѣ чѣмъ? спросилъ я, заинтересованный его поясненіями о домовитости Кузьмы Терентьевича.

— Торгующій! У нихъ вѣдь тамъ чуть не половина села все торгующіе! дополнилъ онъ, нѣсколько помолчавъ. — Торговый народъ, ловкій, маху, братецъ, не дадутъ, нѣ-ѣ-ѣтъ, и крещенаго челоѣка, и нехристя на одномъ сучѣѣ окрутить.

— Чѣмъ же они торгуютъ?

— Первое дѣло, братецъ ты мой, виномъ, второе тебѣ дѣло — харчами. У нихъ почестъ што ни домъ, то и постоянный дворъ и кабакъ. Лавокъ, братъ, этихъ множество, ситцами теперича торгуютъ, обувью и всякимъ товаромъ, — ну касательно и бабъ, скажу, стра-а-астъ сколько денегъ зашибаютъ!

— Бабы-то чѣмъ же? полюбопытствовалъ я.

— Чѣмъ? Хе! съ ироніей переспросилъ онъ и, приподнявъ картузъ, почесалъ затылокъ, до того изъѣденный комарами, что онъ представлялъ изъ себя сплошной нарывъ: — самороднымъ таланомъ, произнесъ, наконецъ, онъ, растворивъ ротъ въ широкую улыбку.

Дорога выбѣжала въ это время на лугъ и взвивалась вдали на высокій, расположенный терасами, холмъ, снова скрывшій отъ нашихъ глазъ село. По правую сторону дороги лежала глубокая лощина, такъ что вершины росшихъ въ ней деревьевъ не достигали крутого обрыва холма, обнесеннаго толстыми сплошными перилами. Настеганныя ямщикомъ лошади пустились рысью, но, поднявшись только на первую терасу, остановились въ изнеможеніи.

— Дай, братецъ, лошадкамъ-то передохнуть, сдѣлай милость! обратился ко мнѣ ямщикъ, приподнимая шапку и слѣзая съ облучка.

Я вышелъ изъ телѣги и, подойдя къ обрыву, сѣлъ на высушившійся изъ земли камень, густо обросшій мхомъ. Ямщикъ тоже подошелъ ко мнѣ и, доставъ изъ-за пазухи трубку, набилъ ее табакомъ изъ кисета, спитаго изъ ситцевыхъ доскутковъ, и, вырубивъ огня, опустилсѣ на землю.

— Какія благодатныя мѣста у васъ, сказалъ я, любясь на елѣговныя горы Алтая съ блѣдно-розовыми вершинами, клубившимися на горизонтѣ, какъ облака.

Вдали, за зеленѣющею грядою холмовъ, сплошною стѣною тянулись лѣса, окутанные легкою синеватою дымкой, „чернь“, какъ называетъ ихъ народъ. Внизу, у подошвы самаго холма, на которомъ сидѣли мы, лежала долина, покрытая роскошною растительностью, какою отличаются предгорія Алтая.

— Мѣста у насъ — умирать, братъ, не надо! отозвался ямщикъ на мое замѣчаніе. — По этимъ мѣстамъ только жить-бы да жить

нашему брату, а все, другъ мой сердешный, мается народъ-то: и хлѣба теперича урожай, не пожалуемся, и пчелка водится, медку-то тебѣ за лѣто съ избыткомъ припасеть она, а маемся, диви вотъ! заключилъ онъ.

— Отчего же вы маетесь?

— Отчего! повторилъ онъ.—И хорошія, братъ, мѣста у насъ, да глухія, суди самъ: теперича въ урожайный-то годъ хлѣбъ-то хошь даромъ отдавай, такъ никто не беретъ у тебя, вотъ оно дѣло-то! А подать-то не ждетъ, по хозяйству тоже безъ гроша клина не вобьешь, а гдѣ ихъ, грошей-то, братъ прикажешь? И отдаешь все за даромъ, да еще накланяешься, только возьми Христа-ради! Ну, у кого лошадей много да во времени избытокъ, нагрузить воза да въ Т...ъ городъ везетъ, ему и выгода, и богатѣетъ, а нашему-то брату не сподручно это, потому и лошадушекъ намаешь, и время-то тебѣ терять не доводится. Вѣдь на ѣзду-то въ городъ, братецъ ты мой, по путному волоку мѣсяца полтора; клади харчи тоже надоть тебѣ и конямъ, оно и выйдетъ, што коли ты и продашь хорошо, такъ на себя да на коней протравишь сколько, а домой-то все съ пустымъ карманомъ вернешься. Да и въ городу-то, коли много нашего брата наѣдетъ, такъ тоже наплачешься, цѣну-то тебѣ такъ спибуть, што хошь домой вези или за даромъ тому же прасолу отдавай. Сподручно-ль оно, суди самъ! Вотъ ты и у хлѣба сидишь, а горя все не минуешь. Вонъ т...цамъ лафа, и не сѣютъ, да жнутъ. Не они, братъ, за деньгами гоняются, а деньги за ними. Они, вонъ, круглый годъ на печи лежатъ, палець о палець не ударятъ, а другіе на нихъ робятъ да тыщами имъ несутъ! Струна, братъ, имъ! закончилъ онъ, сдернувъ съ головы картузь и сердито почесывая изъѣденный затылокъ.

— Кто же это работаетъ на нихъ да тысячами къ нимъ носитъ, а?

— Кто? Таежники, пріисковые рабочіе, вотъ кто! отвѣтилъ онъ, искоса взглянувъ на меня.—Вишь село-то ихъ стоитъ первымъ на пути по выходѣ рабочихъ изъ тайги-то! Лѣто-то таежники робятъ, свѣту не видятъ, никакой, значить, льготы имъ хозяева-то не даютъ,—ну, денегъ-то зарабатываютъ ничего себѣ; иной, коли въ акуратѣ содержитъ себя, и помногу выноситъ ихъ съ пріисковъ-то! Ну, какъ придутъ въ Т...ъ-то, а тутъ и не зѣ-

ваютъ, встрѣчаютъ ихъ, братецъ ты мой, со всякимъ удовольствіемъ, а тѣ, извѣстно, и расплутся, да все, чего не заработать за лѣто, своими руками и покладутъ въ карманы т...сехъ мужиковъ. Слыхаль? Ну, какъ не житье, а?

— Этимъ только и живутъ т...цы?

— Самымъ этимъ промысломъ. И ловкачи-же, братъ, они, — а-а-ахъ ты Боже мой! Ну, какъ не скажешь, что всякому своя фортуна, а? тоскливо восеклиенуль онъ.

— Завидно поди вамъ, глядя на такой промыселъ, а?

— Какъ, братецъ, въ ину пору не позавидуешь! уныло отвѣтилъ онъ послѣ непродолжительнаго раздумья. — Ты робишь, робишь всю жизнь, не покладая рукъ, а все у тебя прорѣхи одна, нигдѣ цѣльнаго мѣста не найдешь, а тутъ вонъ подъ бокомъ у тебя твой же братъ, мужикъ, да вѣдь какъ къ антому-то дѣлу прилачился. И живетъ-то всласть, ни горя-то у него, ни заботы, и всего-то у него вдоволь, и знашь ты, что онъ такой-же мужикъ, какъ ты, а робѣешь предъ нимъ, издали-то увидишь его, такъ сама рука къ шапкѣ тянется.

— Чего же робѣть-то?..

— Какъ ты не обробѣешь предъ нимъ, прервалъ онъ меня. — Вѣдь онъ купецъ, вѣдь у него карманъ-то отъ денегъ трещить да врозь лѣзетъ. Какая напасть тебя пристигнетъ, куда ты безъ него-то дѣнешься? Захочетъ онъ, изъ петли тебя вынетъ, а рассерди его — самъ на тебя петлю накинеть. Ну, и ублажаешь его на всякій манеръ! — Такъ къ Кузьмѣ Терентьичу тебя завезти-то, штоли? снова спросилъ онъ, выколотивъ докуренную трубку и завертывая ее въ кисеть.

— Вези къ нему!..

— Богатый мужикъ! повторилъ онъ, взлѣзая на облучекъ, — и голова же, братъ, о-о!..

— Умный?

— Ума этого у него въ три берема не облапишь. Да вотъ поглядишь самъ, каковъ онъ есть, Кузьма-то Терентьичъ! произнесъ онъ, трогая лошадей.

Отдохнувшіе кони пошли бодрѣе въ гору, и черезъ нѣсколько минутъ мы были на вершинѣ холма, у подножія котораго лежало село. Общій видъ села, особенно съ вершины холма, напоминалъ своею формою подеову, упиравшуюся обоими концами въ об-

рывистый берегъ рѣки Т—ь, по имени которой называлось и самое село. По срединѣ села стояла высокая каменная церковь, и куполъ ея, обшитый бѣлой жестию, ярко горѣлъ теперь отъ солнечныхъ лучей. Спустившись съ холма, мы вѣхали въ широкую, прямую улицу, обнесенную по обѣимъ сторонамъ низенькими, иногда покосившимися и вросшими въ землю избушками, среди которыхъ то по одну, то по другую сторону улицы неожиданно вырасталъ передъ глазами высокой одноэтажный или въ два этажа домъ, съ балконами, покоившимися на затѣйливо выточенныхъ колонахъ, съ рѣзными, ярко раскрашенными ставнями и плотными деревянными заборами. Странный контрастъ представляли подобные дома, высившіеся среди убогихъ, изнуренныхъ лѣтами и непогодами своихъ сосѣдей. Они походили какъ-будто на новыя, яркія заплата, нашитыя на ветхомъ рубищѣ нищаго, и своею вычурной красотою только сильнѣе отѣняли убогій и невзрачный видъ лѣжившихся около нихъ лачугъ.

Ямщикъ остановилъ лошадей передъ однимъ изъ такихъ выдающихся наружностью домовъ, и едва я слѣзъ съ телѣги, какъ плотныя, рѣзныя ворота раскрылись настежь и меня встрѣтилъ крестьянинъ лѣтъ пятидесяти на видъ, въ тиковомъ халатѣ, накинутаго поверхъ чистой ситцевой рубахи. Сѣдые, нѣсколько вившіеся волосы на головѣ его были подстрижены въ скобку и отчасти закрывали высокий лобъ, изрѣзанный морщинами. Маленькіе каріе глазки, свѣтившіеся изъ морщинистыхъ орбитъ, пристально остановились на мнѣ.

— Добро пожаловать, милости просимъ! произнесъ онъ, кланяясь. — А мы, признаться, давно ужъ поджидаемъ вашу милость! говорилъ онъ, ведя меня по лѣстницѣ, устланной чистымъ холщевымъ половикомъ, въ верхній этажъ своего новаго, красиво и удобно расположеннаго дома.

Введя меня въ обширную комнату, облеенную пестрыми обоями, съ окрашенными подъ шахматъ полами, Кузьма Терентьевичъ вышелъ, чтобъ присмотрѣть за моими вещами. Комната была уставлена массивными креслами съ мягкими подушками, обтянутыми свѣтлымъ съ бирюзовыми полосами ситцемъ. У передней стѣны между окнами стоялъ большой мягкій диванъ, около дивана круглый столъ, накрытый бѣлою скатертью, и огромный бронзовый подсвѣчникъ съ тремя стеариновыми свѣчами. Въ простѣнкѣ висѣло большое

зеркало въ рѣзной, орѣхового дерева, рамѣ. По стѣнамъ были развѣшены въ деревянныхъ рамкахъ гравированные портреты членовъ царской фамиліи и портретъ Ермака, писанный масляными красками. Завоеватель Сибири былъ изображенъ въ рыцарскомъ шлемѣ съ огромнымъ страусовымъ перомъ краснаго цвѣта, въ кольчугѣ и съ копьемъ въ рукѣ. Кисейныя занавѣски на окнахъ, прикрѣпленныя вмѣсто розетокъ розовыми ленточками, дополняли убранство комнаты. Большая стеклянная дверь въ углу вела на балконъ, съ котораго открывался прелестный видъ на окрестности села.

— Пожалуйте-ка, ваша милость, выкушайте, съ дорожки-то оно очень способно! раздался сзади меня голосъ Кузьмы Терентьевича, поднесшаго мнѣ на небольшомъ корковомъ подносѣ рюмку съ винограднымъ виномъ. — Обычай у насъ такой, чтобъ съ дороги обогрѣть человѣка, отвѣчалъ онъ на мой отказъ; — входя въ домъ, отъ хлѣба-соли грѣшно отказываться!

Намъ подали чай. Усадивъ меня на диванъ къ круглому столу, Кузьма Терентьичъ сѣлъ около порога и, закинувъ полы своего халата, еще разъ пристально оглядѣлъ меня. Не говоря объ убранствѣ въ домѣ, которое рѣзко бросалось въ глаза своею щеголеватостію, хотя отчасти и безвкусной, объ обширномъ дворѣ, обнесенномъ громадными пристройками, каждая мелочь, на которую падалъ взглядъ, доказывала не только крупную зажиточность Кузьмы Терентьича, но даже знакомство его съ нѣкоторымъ комфортомъ. Варенье къ чаю было подано въ хрустальныхъ вазахъ, которыя бы сдѣлали честь любому купеческому дому. Чайныя ложки, щипчики для сахара, вилочка для лимона были изъ чистаго серебра; даже поданы были салфеточки подъ стаканы и сухари и печенья московскаго издѣлія, достигающія въ Сибирь чрезъ ирбитскую ярмарку, — все это какъ-то странно было встрѣтить въ домѣ крестьянина, въ селѣ, заброшенномъ въ такую глушь. Замѣтивъ, что я обратилъ на окружающую меня обстановку вниманіе, Кузьма Терентьичъ улыбнулся и окинулъ меня самодовольнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: „А что, братъ, не ожидалъ небойсь этого встрѣтить, такъ вотъ знай же теперь, каковы мы т...скіе мужики!“

— Пондравилось-ли вашей милости село-то наше? улыбаясь,

спросилъ онъ, наливая чай на блюдо.— Многіе его очень одобряютъ, особливо когда въ первый разъ заѣдутъ къ намъ.

— Красивая мѣстность! отвѣтилъ я.— И самое село по большинству своихъ зданій скорѣе походить на городъ. Въ первомъ еще селѣ я встрѣтилъ такое обиліе лавокъ; только гдѣ же вы находите покупателей на свои товары? спросилъ я.

— Не мы, сударь, покупателей ищемъ, а покупатель насъ. Въ глухое время-то пожаловали вы къ намъ. По осени бы вамъ заѣхать сюда, любопытнѣй бы для васъ было.

— А осенью развѣ что-нибудь особенное происходитъ у васъ?

— Много особенностей, мно-о ого-сь! повторилъ онъ.— Къ таежникамъ бы приглядѣлись на всю ихнюю неосновательность. Безобразный народъ! заключилъ онъ, ставя на столъ допитое блюдо.

— Чѣмъ?

— Какъ вамъ рассказать—чѣмъ, съ разу-то всего не расскажешь. Это надобно, сударь, своимъ глазомъ видѣть. Теперича, не утаивая правды, скажу, про наше село худая слава идетъ, чай и вы поди слышали? съ ироніей посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.— По людской-то молвѣ хуже нашего мужика и на свѣтѣ нѣтъ: и грабители-то мы, и народъ-то спаиваемъ, чтобъ легче его подъ пьяную руку обирать, и чего, чего, какихъ только художествъ и качествъ не говорятъ про насъ! Какъ послушаешь всѣхъ рѣчей, такъ ровно у насъ и не село, а разбойный притонъ.

— Поговариваютъ, что такъ...

— Знаемъ, сударь, что поговариваютъ, какъ не знать, покачавъ головой и подувши слегка на чай, налитый на блюдо, продолжалъ онъ.— А только все это неправда, сударь, клевета одна да зависть. Кушайте еще-сь, пожалуйста, милости просимъ, чаекъ у меня хорошій, говорилъ онъ, принимая отъ меня допитый стаканъ,— ящиками покупаю, торгую имъ малымъ дѣломъ, въ числѣ прочаго. Худымъ ужъ вашу милость не поподчуемъ! Я вѣдь и на пріиски, сударь, въ ину пору чай поставляю, а пріискатели—народъ тонкій, на эту матерію разборчивый...

— Вѣрю, и чай у васъ, дѣйствительно, прекрасный, только я не хочу болѣе...

— Жаль, что мало кушаете, а мы такъ, признаться, съ утра

и до ночи около самоварчика-то охлаждаемся, очень къ чаю-то навькли. Можетъ, закусить не прикажете-ли чего, у насъ и балычекъ астраханскій есть, и икра, и сардиночки, и вина, какихъ только пожелаете.

— Домовито вы живете, Кузьма Терентьичъ! замѣтилъ я.

— Нельзя иначе, сударь. Коли съ хорошими людьми компанію водить, такъ и про запасъ держи все хорошее. У меня вѣдь, сударь, всѣ золотопріискатели остановку имѣютъ, народъ—тысячники, худого имъ не подашь, коли спросятъ чего. А мы, теперича, хоша и въ крестьянскомъ званіи стоимъ, а тоже антибіцію свою соблюдаемъ! заключилъ онъ, многозначительно взглянувъ на меня.

— Вы здѣшній уроженецъ?

— Природные здѣшніе! И батюшка покойникъ, и дѣдушка не выѣзжали никуда изъ здѣшнихъ мѣстовъ. Вѣдь наше, сударь, село и жить-то пошло съ тѣхъ поръ, какъ золото въ тайгѣ открыли, а допрежь того на этомъ мѣстѣ поселокъ стоялъ, въ которомъ было-ли и шесть дворовъ; ну, а когда золото открыли, то потребовалось для пріисковъ и то, и другое, и третье, золота въ тѣ поры добывали много, деньги-то были дешевы, такъ сказать, ни почемъ, пріискатели-то зря ихъ метали за всякую маломальскую послугу, ну, народъ-то и повалилъ сюда ради наживы, да изъ шести-то дворовъ теперь выросло безъ малости триста. А нашъ-то родъ—издавніе здѣшніе старожилы. Тятенька, покойникъ, и церковь-то самолично заложилъ, и своимъ коштомъ воздвигъ оную. Двѣ серебряныя медали покойникъ носилъ, одну малую, другую большую на шеѣ, а все-таки остался, сударь, въ крестьянскомъ чинѣ и мнѣ благословенія не далъ изъ сермяги выѣзжать!

— Отчего же, по любви къ своему сословію или по другимъ какимъ причинамъ?

— Покойникъ такъ говаривалъ, сударь: съ твоимъ-де капиталомъ да властью по крестьянству ты всегда будешь первымъ человѣкомъ, и чего бы ты ни сдѣлалъ, все тебѣ съ рукъ сойдетъ, потому ты мужикъ, а съ мужика какой взыскъ! А коли въ купцы, говорить, выйдешь, то въ ранговые-то не попадешь, а на задворкахъ путаться и самъ не захочешь.

— Въ какіе же это ранговые?

— По-вашему-то, сударь, сказать бы—первостатейные...

— Но вы все-таки торгуете же?..

— По купеческому свидѣтельству, и въ то же время всѣ крестьянскія тяготы несемъ, наравнѣ съ иными прочими. Торговля наша, сударь, не то, чтобы обыденное занятіе, а ближай всего на ярманку смахиваетъ. Разъ въ году, не болѣе мѣсяца, мы эфтимъ дѣломъ занимаемся, когда, значить, по осени пріисковые рабочіе изъ тайги выходятъ, а въ остальное время мы и лавокъ не растворяемъ, развѣ только за товаромъ приглядѣть да лавку провѣтрить понадобится. Да и товары-то у насъ, сударь, не ахтительные, по вкусу рабочихъ закупаемъ ихъ: готовые ситцевыя рубахи, шаровары плисовые, шляпы поярковыя, сапоги-бродни, полушубки, ну опояски, што поузорнѣй, зипуны, а такихъ, штобы дорогихъ, нѣтъ. У меня, окромя этихъ товаровъ, бакалейные еще имѣются, пряники, орѣхи разные, конфеты, варенья, што касается, значить, до лакомства; ну вина разныя и закуски. А главная теперича статья—это постоянные дворы, харчи и прочее содержаніе рабочихъ. Вѣдь мимо нашего села-то, сударь, не одна тыща этого народа проходить; вѣдь еслибы теперича не мы, ваша милость, оберегали рабочихъ, такъ тутъ бы одинъ Господь вѣдалъ, чего-бы дѣлалось на свѣтѣ...

— Вы оберегаете рабочихъ,—чѣмъ же это и отъ чего?..

— Мы-съ!.. Истинно говорю вамъ, что благодарствуемъ имъ; еслибы только не мы, о-о Господи, и слова-то не найдешь сказать, чего-бы только не творилось межъ ними! произнесъ онъ, махнувъ рукой и пытливо изподлобья посмотрѣвъ на меня, какъ бы желая уловить, какое впечатлѣніе производятъ на меня его слова.—Грабежу бы этого, убійства сколько было, продолжалъ онъ,—да такъ, скажу вамъ, сударь, что и третья бы часть ихъ не возвращалась домой, всѣ бы перерѣзали другъ друга, ей-богу-съ!.. Теперь вотъ въ народѣ зовутъ насъ плутами, грабителями, а все это зависть одна людскимъ языкомъ ворочаетъ, глядя на нашу избыточную жизнь, а еслибы попытали на себѣ, сколько хлопотъ намъ съ этимъ народомъ да непріятностей, такъ не то бы заговорили...

— Какія же такія непріятности и хлопоты? Объясните мнѣ, я все-таки не понимаю.

— Хлопоты, сударь, такія, что и врагу ихъ не пожелаешь.

Вѣдь на пріиски работать идетъ все-такой народъ, у котораго ни Бога, ни совѣсти нѣтъ; идутъ-то все болѣе варнаки-посельщики, што ни самые оголѣлые. Денегъ-то они зарабатываютъ и выносятъ оттуда помногу. Придетъ онъ къ намъ и почнетъ ломаться, дорвется до вина-то, такъ вѣдь обликъ человѣческой потеряетъ, въ эфтомъ-то видѣ такъ и норовить другъ друга ограбить, а то и на ножъ посадить. Ну, не остереги его во время, такъ чего бы было?.. Вотъ и оберегаешь его, Бога памятуя, а чего стоитъ тебѣ оберечь-то его отъ худыхъ-то дѣлъ, никто не видитъ, а што живемъ-то избыточно, такъ это вотъ всѣмъ глаза колетъ!

— Какъ-же вы оберегаете ихъ?

— А какъ несмышленныхъ младенцевъ няньки остерегаютъ, сударь, такъ и мы. Пустись ихъ на постой къ себѣ, да и смотришь за ними въ оба, какъ опекунъ какой!

— Вотъ что! Но все-таки опека-то эта приносить же вамъ какую-нибудь выгоду?

— Слова нѣтъ, не безъ выгоды! Какая же опека бываетъ безъ выгоды, хе, хе! Да вѣдь выгода-то выгодѣ розная, сударь. Рабочій-то приходитъ къ намъ голодный, оборванный, на иномъ такой гардеробъ болтается, что всѣ родимыя пятнышки сквозятъ: изъ хозяйскихъ-то запасовъ на пріискахъ они не очень-то любятъ заимствоваться, потому тамъ съ нихъ за всякую малость вдесятеро берутъ. Ну, ты и одѣнешь его, какъ подобаетъ человѣческому званію, напоишь, накормишь, тепломъ его душу отдашь, — въ энтomъ, полагаю, сударь, вѣдь нѣтъ грѣха? изподлoбья, съ усмѣшкой посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ... согласился я.

— А вѣдь теперича всего энтoго тоже даромъ ему не дашь, продолжалъ онъ. — Вѣдь все, чего ни даешь ему, ты и самъ покупаешь, вѣдь рубахи, сапоги и зипуны не растутъ въ лѣсу, какъ грибы, да еслибы и возрастали даже, такъ мы такъ судимъ, што и собрать-то ихъ все же бы и трудъ, и время требовалось, хе, хе! Если ты и одѣнешь его съ ногъ до головы, то все-таки сунпротивъ ихнихъ-то хозяевъ, пріискателевъ-то, берешь съ него самую божескую плату. Поить и кормить его даромъ намъ тоже не доводится... потому ужъ очень убыточно бы было... этакъ-то хлѣбосольствовать. Вѣдь его пустыни щами да кашей,

сударь, не ублаготворишь, нѣ-ѣ-ть. Мы, говоритъ, тухлой-то солонины подъ соусомъ изъ червей и на прискахъ до-сыта напоскались, хе, хе! очень, говоритъ, довольны эфтимъ яствомъ, такъ ужъ ты, говоритъ, намъ теперича ѣды-то отмѣнной отворачивай. Первымъ дѣломъ щей со свѣжей свининой, каши, лапши всякой, и чтобъ все это плавало въ жиру и маслѣ; вторително поросенка, гуся, да-а-асъ, хе, хе! Вотъ вѣдь они каковы, приско-выне-то работнички! съ проніей заключилъ Кузьма Терентьичъ. — А вѣдь чуть теперича не уважилъ его, не по скусу его сдѣлалъ, такъ вѣдь онъ, сударь, и посуду въ дребезги объ полъ махнетъ, и ѣду за окно выброситъ, потому, говоритъ, поколь у меня деньги есть, такъ ты меня уважай, хе, хе!

— И уважаете?

— Уважаемъ-съ! Даже въ полномъ чувствѣ.

— А чѣмъ же вы выбазываете подобное уваженіе къ нимъ?

— Принаровкой къ ихъ скусу и ндраву; потребовалъ онъ, къ примѣру, поросенка, ну, и жарилъ ему поросенка; захотѣлъ онъ гуся—подашь ему и гуся: ѣшь, не ѣшь, а ужъ цѣну, што стоитъ, плати, и ужъ насчетъ платежу, правду сказать надо, они содержатъ себя по чести, что ни спроси съ него, отдастъ безъ слова.

— Не торгуюсь?

— Избави Господи! Завода энтого нѣтъ, даже за обиду считаютъ торговаться. Иному, сударь, ради потѣхи скажешь, особливо если покупаетъ што: „не дорого-ли будетъ, молъ, для тебя, подумай!“ Такъ куда тебѣ, сейчасъ въ азартъ войдетъ. „Што, говоритъ, развѣ у меня денегъ нѣтъ, а?..“ И какая у него сумма есть, всю на лицо представить: знай-де меня! Вотъ каковъ народецъ то! Платятъ безъ слова, чего ни спроси, за копѣчную вещь десять рублей безъ разговора выложить, только потрафляй ему!

— И по-долгу живутъ они въ вашемъ селѣ?

— А жителство ихъ, сударь, длится, смотря по деньгамъ: у кого денегъ побольше, тотъ и живетъ подольше, и всѣ, почестъ, проживаются до послѣдней копѣйки.

— Неужели до послѣдней?

— По порядку-съ, какъ изстари повелось! Покамѣстъ онъ не пропѣтъ и не проѣстъ своего заработка, не уйдетъ изъ села. А ужъ когда дойдегъ до конца, выворотитъ карманы, тогда на-

дѣваетъ на себя дерюгу, въ какой пришелъ или какую дашь ему изъ милости, соболѣзнуя объ немъ; вздѣнетъ на плечи кошель, по-прощается, степенно, по чести, и идетъ домой, побираясь христовымъ именемъ, а болѣ всего опять на тѣ же пріиски ворочается въ хозяйскій контрактъ.

— Чѣмъ же въ такомъ случаѣ вы ихъ благодѣтельствуете, Кузьма Терентьичъ, и отъ чего охраняете? спросилъ я.—Я думалъ, что вы имъ не даете заживаться въ вашемъ селѣ, чтобъ они не пьянствовали и не мотали заработанныхъ денегъ, и тѣмъ охраняете и ихъ, и семьи ихъ отъ нищеты.

— Превратно поняли, сударь! строго произнесъ онъ.—Неужели вы полагаете, что мы не христіане, что въ насъ ни души, ни совѣсти нѣтъ, чтобъ мы осмѣлились воспрепятствовать человѣку передохнуть недѣлку-другую съ дороги, а стали бы гнать его домой и послѣ этакой, теперича, каторжной жизни и работы, какую они несутъ на пріискахъ, не дали бы имъ полакомить своей утробы! Напрасно вы, сударь, такъ полагаете объ насъ, говорилъ онъ, укоризненно качая головой. — Избави Господи! Да неужъ мы не люди? Вѣдь онъ тамъ робить-то, сударь, передыху не знаетъ: еще солнышко не взойдетъ, а его ужъ на работу гонять, да съ послѣдней зорькой спустятъ съ нея. Тепло-ли, холодно-ли, здоровъ-ли, немощенъ-ли, его не спросятъ; знай одно—робь, подъ часъ по колѣно въ водѣ. Отъ грязи да отъ всякой нечисти у него вѣдь кожа-то съ тѣла лупится. Вотъ сколь сладко ему деньги-то достаются! Кормятъ-то его тамъ такимъ добромъ, что собака рыло отворотить, а вѣдь онъ человѣкъ, сударь, ему, какъ и намъ, грѣшнымъ, и отдохнуть хочется, и сладкимъ кусочкомъ побаловаться, и чистую рубашку на обмытое тѣло вздѣть, и хоть денежъ-другой пожить всласть, по своей волѣ, господиномъ своего достатка; такъ неужъ у добраго человѣка, въ комъ христіанская-то душа есть, повернется языкъ сказать ему: а ты вотъ не пей, сладко не ѣшь, путной одежи себѣ не покупай, а подъ отъ насъ со Христомъ къ своему двору. Нѣтъ, сударь, такъ поступать не гоже-о. А на мой умъ, пушай онъ балуется, Господь съ нимъ, ему только и улады-то, можетъ, въ жизни, чтобы хоть недѣлку-другую сладко попить и поѣсть, а если онъ и пропиваетъ и проѣдаетъ все до копѣечки, такъ вѣдь не чужое, а свое кровное,

сударь, и Господь съ нимъ: всякой своему добру хозяинъ и воленъ ему распорядокъ имѣть.

Голосъ Кузьмы Терентьяча, когда онъ произносилъ эту тираду, дышалъ такимъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ безотрадной жизни присковаго рабочаго и въ то же время такимъ сознаниемъ высокаго христіанскаго подвига, какой совершаютъ тѣ — скіе жители, предоставляя ему возможность сладко пить и ѣсть у нихъ за свои кровныя деньги, что доказывать ему значеніе этихъ услугъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ было бы бесполезно.

— Прогнать! раздраженно произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Да какъ вы его прогоните, сударь? Да нѣшто найдется такая власть, которая удержала бы тасжника отъ разгула, послѣ той жизни, какую онъ влачитъ на прискахъ!? Невозможное дѣло съ!.. Да не дайте вы ему вина, не потрафьте по его скусу, скажите-ка ему: поди, молъ, домой, а у насъ зря не балуйся, такъ вѣдь знаете-ли, чего будетъ-то?

— А что?

— Онъ по бревну разнесетъ всю деревню, истинно, какъ предъ Богомъ говорю вамъ! На ножи пойдетъ! Допрежъ чѣмъ осуждать то насъ, сударь, надоть знать, съ какимъ мы народомъ дѣло-то ведемъ. Вѣдь это оголтѣлый человѣкъ-то, онъ и свою-то жизнь ниже гроша цѣнить, а чужая-то ему и того дешевле. По-разсказать еслибы вамъ, чего они другъ съ другомъ творять, такъ ужасъ возьметъ! Съ присковъ-то они идутъ партіями, человѣкъ по пятидесяти, иной разъ по сту и болѣе. Ужъ каждый изъ нихъ другъ отъ дружки денежки хоронить или въ онучу, или зашиваетъ куда; до нашего-то мѣста ихъ еще казаки *) сопровождаютъ, охрану имъ содержать, и то не помогаетъ, и тутъ, кто половчѣй, высмотритъ, гдѣ у благопріятеля деньги спрятаны, улучить минуту и ограбить его. Вѣдь какъ отъ лютаго врага они другъ отъ друга-то стерегутся. Не мало и убійствъ бываетъ среди нихъ, ваша милость, за копѣйку задушатъ отца родного. Вотъ вѣдь это какой народецъ-то, сударь. Бо-о-ольшой навѣкъ требуется дѣло-то съ ними вести. Годами надоть механику-то эту

*) Въ Западной Сибири на золотые приски постоянно командировается сотня линейныхъ казаковъ, какъ для охраненія порядка на прискахъ, такъ и для сопровожденія партій рабочихъ по окончаніи работъ отъ присковъ до населенныхъ пунктовъ.

постигать. Около прискованаго рабочаго, какъ около огня, ходи да поглядывай, чтобы и себя не сжегъ, и тебя не опалилъ!

— А случается, и опаливается?

— Богъ милуетъ, сударь. Потому ужъ политично струну натягиваешь, чтобъ играла, да не заигрывалась. Первое дѣло—ужъ характеръ каждаго изъ нихъ знаешь, какимъ ему словомъ или дѣломъ потрафить и чѣмъ унять въ случаѣ азарта.

— Когда же вы успѣваете характеры-то изучать, помилуйте, сами же говорите, что ихъ проходить чрезъ ваше село по нѣскольку тысячъ? Вѣдь это невозможно.

— Самое легкое дѣло, сударь! отвѣтили онъ, усмѣхнувшись. — Ужъ каждый рабочій знаетъ тепереча своего хозяина: ужъ если онъ сегодня присталъ на фатеру ко мнѣ, такъ онъ и на будущій годъ остановится у меня, да такъ и поидетъ ужъ на всю жизнь къ моему дому привораживать. Насчетъ этого они народъ ручной... ну, тутъ и примѣчаешь за нимъ, поколь не спознаешь его, што за птица, а спознать это—не ахти какая наука, всѣ они народъ очень натуральный!

— Какъ это натуральный, что это значить?

— А такъ теперича доложу вашей милости, што по естеству своему неотесанный, што у него на умѣ, то и на языкѣ, ужъ если онъ лютъ идравомъ, такъ ужъ съ перваго дня и покажетъ весь этотъ свой поровъ. Ну, за такимъ человѣкомъ и уходъ у насъ особливый.

— Какой же?

— Съ изподтиха окручиваешь его, что ты, моль, лютъ, да и во мнѣ, моль, этой лютости тоже очень достаточно: ужъ если что, благослови Господи, такъ и у меня расправа коротка. Потому-де на лютость и мы лютость питаемъ!.. Ну, этими резонами и введешь въ разсудокъ, укротишь его. Муки много съ ними принимаемъ, ваша милость, не даромъ тоже отъ нихъ хлѣбъ ѣдимъ, а истинно можно сказать, что въ трепетѣ сердца и въ потѣ лица.

— Отчего же вы трепеть-то сердечный ощущаете, Кузьма Терентичъ? Если вы знаете характеръ каждаго изъ нихъ, умѣете съ каждымъ изъ нихъ обойтись, такъ, мнѣ кажется, вамъ и бояться ихъ нечего.

— Много опаски, сударь, испытываемъ. Правду надо сказать,

что октябрь мѣсяцъ самый доходный для нашего брата, самая, можно сказать, жатва, потому въ энти мѣсяцы мы на весь годъ хлѣбъ выручаемъ. Но иной разъ, сударь, такъ дѣло выходить, что во весь годъ отъ страху-то не отдынешься, какого за энтѣ время наберешься! День-то деньской на мѣсто не присядешь, да и ночь-то спокѣю не знашь, потому въ чужую-то душу, какъ ты ни знай ее, а все не влѣзешь, только и ходишь да сторожишь, какъ бы тебя не подпалили, какъ бы кто кого не убилъ, аль въ тебя бы не пустилъ желѣзнаго козыря. Каторга энтотъ мѣсяцъ для насъ, сущая каторга! Иной бы на нашемъ мѣстѣ, еслибъ съ недѣлькѣу понесъ на себѣ энтѣ иго да тревоги, такъ не сталъ-бы говорить, что намъ деньги зря плывутъ въ руки, не сталъ бы намъ завидовать да поносную славу про насъ по свѣту разносить, нѣ-ѣтъ, не сталъ бы, а скорѣе пожалѣлъ бы насъ!

— Если вы сознаете, Кузьма Терентьичъ, что подобное ремесло, которымъ вы занимаетесь, и тяжело, и опасно, такъ отчего же не оставите его, чтобъ не испытывать болѣе такихъ трудовъ и опасностей, а?..

— Это легко сказать, только, сударь, брось!

— А что же?

— Хе! Это по-нашему все единственно, что сказать голодному человѣку: не ѣшь! Брось, а жить-то чѣмъ прикажете?

— Какъ чѣмъ? У васъ у всѣхъ есть достатокъ, вы живете на такихъ прекрасныхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ, займитесь хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, — въ убытокъ навѣрное не будете.

— Отвыкли-сь! сухо отвѣтилъ онъ.

— Развѣ у васъ въ селѣ никто хлѣбопашествомъ не занимается?

— Кое-кто и сѣются, есть, а намъ не къ чему-сь! Мало-ли окрестъ насъ селъ и деревень хлѣбопашество-то ведутъ, въ хлѣбъ-то по уши зарылись, а все нищіе, все около насъ же колотятся. Куда вы его сбывать-то будете? У иныхъ вонъ есть хлѣбъ-то, въ сѣирдахъ по пяти, по шести лѣтъ стоитъ, а у него бродней кушиться не на што, чтобы отъ холоду оборониться. Вотъ и сѣйте его. Нѣтъ, не дѣло это, сударь. Сколь ни опасенъ нашъ промыселъ, какая худая слава ни идетъ про него, а все онъ прибыльный! За глаза-то насъ всѣ ругаютъ, а чуть нужда, къ намъ же бѣгутъ — выручи.

— Кто же это къ вамъ за выручкой-то идетъ?

— Да всё, почестъ: и крестьяне изъ сусѣдскихъ селъ и деревень, да подѣ-часть и городское купечество, и господа чиновники, и золотопріискатели въ ножки намъ кланяются: снабди капиталомъ.

— И снабжаете?

— Что же подѣлашь, коли человѣкъ убивается предъ тобой, стоитъ иной разъ да плачетъ, готовъ тебѣ, мужику, въ ноги поклониться!.. Ну, и сжалишься, дашь! Развѣ иной разъ только зло заберетъ, такъ вымолвишь: „пошто, молъ, это мы на твоёмъ языкѣ подлецы и воры, а ты честный человѣкъ да въ ноги намъ кланяешься, ссуды просишь, а-а? Это у подлеца-то!.. Если, молъ, у меня деньги краденныя, такъ пошто жё это ты-то, честный человѣкъ, свои-то руки объ нихъ пачкать хочешь, а? Я бы, молъ, на твоёмъ мѣстѣ, по честности своей, не коснулся бы до нихъ“.

— Ну, что же они говорятъ на это?

— Хе, хе, что говорятъ! Да коли честному человѣку, сударь, деньги надо, такъ подлець-то ему хошь въ глаза плюнь, онъ и тутъ слова не вымолвитъ, только ссуди его, выручи, будь ему отецъ-благодѣтель! Э-эхъ, сударь, посмотрѣлся я на честныхъ-то! усмѣхнувшись произнесъ Кузьма Терентьичъ, и съ презрѣніемъ махнулъ рукой. — Онъ потоль и честенъ, поколь ему украсть негдѣ, такъ всё вотъ эти честные-то люди, что завсегда объ деньгахъ сучаютъ, гдѣ бы только промыслить ихъ, и ругаютъ нашего брата воромъ и подлецомъ, а посидѣли бы они на нашемъ мѣстѣ, такъ хуже бы насъ въ тысячу кратъ были, какъ предъ Богомъ говорю вамъ.

— Не лестнаго же вы мнѣнія о честныхъ людяхъ, Кузьма Терентьичъ, замѣтилъ я.

— Злобу питаю къ нимъ, истинно скажу вамъ, сударь.

— За что?

— За самую энту ихнюю честность!

— Развѣ она вамъ глаза колетъ?

— Въ моихъ глазахъ, сударь, столько бревенъ сидитъ, что ужъ не токма сучку, а иглѣ-то мѣста не найдется въ нихъ; поистинѣ скажу вамъ, таиться не буду, не къ чему! Я теперича такое размышленіе имѣю о себѣ: я воръ, грабитель, — одно мнѣ

звание, — ну и пущай будетъ такъ, и не я одинъ теперича, а все наше опчество воры и грабители; такъ ужъ коли мы этакіе худые люди выродились, такъ пущай весь честной людъ и забудетъ объ насъ, презритъ насъ, забудетъ—въ какомъ мѣстѣ и дорога-то къ намъ идетъ! Нѣ-ѣ-ѣтъ, отбою вѣдь намъ отъ честныхъ-то людей нѣтъ, сударь, о о-отбою нѣтъ!.. Такъ какіе же опосля этого они честные люди, коли къ зазнамому подлецу за всякой нужой бѣгутъ... За глаза, по-ихнему, хуже меня человѣка нѣтъ, а въ глаза мнѣ такихъ сластей насказываютъ, что слюны текутъ, слушая ихъ. Вотъ за эту-то неправду во всемъ я и злобствую на нихъ. А ужъ коли ты честный человѣкъ, а я подлецъ, такъ ты и презри меня, ругай и за глаза, и въ глаза; у тебя и черствая корка, да честнымъ путемъ добыта, а у меня и сдобный пирогъ, да краденый, такъ ужъ ты на мой-то коровой ротъ-то не разѣвай, а плюй на него, попирай его ногами, тогда и я, можетъ, совѣсть восчувствую и позавидую твоей скудной коркѣ. А теперича оно такъ выходитъ, что я, можетъ, для того ворую и граблю, чтобъ только надъ честнымъ человѣкомъ издѣваться да за всякое время его-же изъ бѣды выручать,—для того и сдобный пирогъ ѣмъ, чтобъ онъ съ голоду-то зубы на него скалилъ да завидоваль мнѣ... хе.. хе-е... Очень это тяжело, сударь, какъ поразсудишь...

— Отъ чего-же собственно тяжело-то вамъ?..

— Отъ людской-то неправды, отъ зависти-то этой да отъ ругани, а какъ посмотришь, говорю, поприщурившись, на людей-то, такъ честные-то мы самые и есть, потому никого не ругаемъ, никому не завидуемъ, ни на кого не клеветемъ... Знаемъ всѣ свои грѣхи и не скрываемъ ихъ, и пущай ихъ судить Господь Богъ, а не люди, произнесъ онъ, вздохнувъ и посмотрѣвъ въ передній уголъ, гдѣ висѣла огромная икона Божіей Матери въ золотой ризѣ и въ богатомъ вызолоченномъ кіотѣ.—А по-истинѣ скажу, ваша милость, какъ кто ни думай, а мы истинные благодѣтели для пріисковыхъ рабочихъ, потому и жизнь ихъ охраняемъ, и охраняемъ ихъ отъ смертнаго грѣха.

Голосъ Кузьмы Терентьича снова зазвучалъ при этомъ сознаніемъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей и подвиговъ, принимаемыхъ на себя съ такимъ самоотверженіемъ для спасенія заблудшихъ и погрязшихъ въ порокахъ оголтѣлыхъ рабочихъ.

Поѣздка моя въ Т... послѣдовала по порученію произвести официальное удостовѣреніе по жалобѣ крестьянъ т...го сельскаго общества на злоупотребленія волостного головы Клокачева. Въ прошеніи, поданномъ крестьянами, въ числѣ разныхъ незначительныхъ оговорокъ говорилось, между прочимъ, о насильственныхъ денежныхъ поборахъ, производимыхъ съ нихъ Клокачевымъ подъ предлогомъ взиманія податей, превышавшихъ по ихъ расчету существовавшій окладъ, о притязательныхъ дѣйствіяхъ его къ лицамъ, содержавшимъ питейные дома, и къ сельскому старостѣ, котораго Клокачевъ, превысивъ власть, самовольно устранилъ отъ его обязанностей, безъ объясненія причинъ. Въ прошеніе были включены „похвальные“ слова Клокачева, произнесенныя имъ, говоря языкомъ составителя просьбы, въ *неистовомъ азартѣ и съ пьной у рта*, при всемъ т...омъ сельскомъ обществѣ: „что онъ-де, Клокачевъ, живъ не будетъ, коли не разоритъ ихъ всѣхъ и не пуститъ по-міру, въ поученіе всѣмъ крестьянамъ, кои вздумаютъ противиться власти волостного головы!“ Прошеніе это, подписанное болѣе чѣмъ сотней домохозяевъ, взывало къ заступничеству властей за угнетаемое общество крестьянъ отъ несправедливыхъ и корыстныхъ притѣсненій головы, питающаго злобу къ нимъ за то, что при выборѣ его въ головы они не подавали за него голоса, какъ за человѣка, который еще съ юности неоднократно былъ замѣчаемъ въ воровствѣ и избѣгалъ законнаго преслѣдованія только по неимѣнію уликъ. Самый выборъ Клокачева въ головы, какъ говорилось въ просьбѣ, произведенъ былъ незаконно: за него не было подано голоса ни однимъ крестьяниномъ, пользующимся уваженіемъ, а выбранъ онъ былъ исключительно злонимѣренными людьми, которые, въ видахъ потворства Клокачева къ ихъ преступнымъ дѣйствіямъ, выкрикивали его, какъ говорилось въ прошеніи, „нахрапомъ!“

Волостного голову Клокачева я зналъ, какъ человѣка честнаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и довѣріемъ среди крестьянъ. Втеченіи трехлѣтней службы его я ни разу не слышалъ даже незначительной жалобы на его дѣйствія... Человѣкъ онъ былъ грамотный, что рѣдко встрѣчается въ Сибири, трезвый, обладавшій яснымъ, практическимъ умомъ, который, при всей своей видимой мелочности, въ практическомъ взглядѣ на дѣла всегда оказывался глубоко-дальновиднымъ. Земскія власти не симпатизиро-

вали ему и отзывались объ немъ, какъ о человѣкѣ грубомъ и своеобразномъ. У Клокачева было много непріятностей по службѣ, вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на него и волостного писаря, боявшагося его зоркаго глаза, и духовенства, подозрѣвавшаго его въ принадлежности къ какой-то сектѣ, и вслѣдствіе частыхъ неисполненій приказаній своего ближайшаго начальства. Такъ, однажды, ему предписали, въ виду проѣзда какой-то особы, выслать немедленно крестьянъ для исправленія дорожныхъ участковъ. Предписаніе это послѣдовало въ началѣ августа, въ самую горячую рабочую пору. Клокачевъ оставилъ его безъ исполненія. Особа проѣхала, не обративъ даже вниманія, въ какомъ состояніи дороги, а Клокачева послѣ проѣзда ея вытребовали въ городъ для объясненія, грозили предать суду, но ограничились тѣмъ, что посадили его на недѣлю подъ арестъ. „А все-таки крестьянство-то и съ сѣномъ, и съ хлѣбцемъ... слава тебѣ Господи... во время управилось!“ произнесъ онъ, перекрестившись, когда его повели въ кутузку. Каждой жалобѣ на Клокачева земскія власти придавали особенное значеніе, а тѣмъ болѣе было придано значенія прошенію т...аго сельскаго общества на притѣсненія его, унизанному въ концѣ болѣе сотни подписей. Желая узнать мнѣніе Кузьмы Терентьича, какъ человѣка, повидимому, вліятельнаго въ средѣ своего общества, о причинахъ, вызвавшихъ столкновеніе крестьянъ съ головою, я спросилъ его: „что за человѣкъ, по его мнѣнію, Клокачевъ?“

— Флегонтъ Митричъ, сударь, отвѣтилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на меня, — человѣкъ, што сказать, хорошій, правдивый, совѣстливый. Это и грѣшить нечего.

— А вамъ извѣстно, что многіе изъ крестьянъ вашего общества подали жалобу на его притѣсненія?

— Извѣстно-съ, какъ не извѣстно-съ!.. Въ деревнѣ-бы жить, да не знать, чего дѣется въ ней, съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ. — Въ деревнѣ-то, сударь, вы и шепоткомъ слово скажете, а отголосокъ-то отъ него на всѣхъ концахъ откликнется, ка-а-ае-же-съ, очень даже извѣстны насчетъ эфтого дѣла, повторилъ онъ.

— Вѣрно это, что онъ притѣсняетъ вашихъ однообщественниковъ?

— Господь его знаетъ, сударь, уклончиво отвѣтилъ онъ; — мы въ сторонѣ отъ этихъ дѣловъ живемъ, по-особицѣ.

— Какъ по-особицѣ?

— Что не касается насъ, такъ и не вмѣшиваемся.

— Но вы знаете-же причины, вызвавшія эту жалобу?

— Поспорили они по-малости между собой, ваша милость, отвѣтилъ онъ, нѣсколько подумавъ, — ну, и вышла усобица: и Флегонтъ Митричъ погорячился маненько, и общество въ строптивость впало... Не хвалю!..

— Кого?

— Обоихъ, коль сказать по правдѣ, сударь. А впрочемъ, устраните меня отъ этого разговора; потому какъ дѣло это до меня некасающе, то, по завѣту еще тятеньки-покойника, имѣю навѣкъ въ энтакихъ случаяхъ языкъ за зубы прятать! съ пропіей произнесъ онъ. — Въ сторонѣ, сударь, лучше жить, безобиднѣй: ни дождикомъ тебя не мочить, ни солнышкомъ не печетъ... хе, хе! пояснилъ онъ, смѣясь. — Не прикажете-ли закусить подать, винца какого, алибо што? спросилъ онъ, поднимаясь со стула, и когда я отказался, онъ раскланялся со мной, отозвавшись необходимостью присмотрѣть за хозяйствомъ.

По уходѣ его я вышелъ на балконъ. Солнце закатилось за дальній лѣсъ, и яркіе лучи его, прорѣзываясь порою сквозь вѣтви деревьевъ, пробѣгали тоненькими, искристыми струйками по вершинамъ холмовъ, застилавшихся снизу уже дымчатымъ паромъ. Отчетливо виднѣвшіеся днемъ на горизонтѣ контуры снѣжныхъ горъ теперь исчезли изъ глазъ, задернутыя мгlistою, синеватою дымкой, изъ которой выдѣлялись, и то въ какомъ-то полусумракѣ, только ближайшія къ селу лѣса и горы. Несмотря на то, что село было обширное, оно поразило меня своею пустынною и безжизненностью: на улицѣ не видно было ни души, изрѣдка гдѣ-нибудь скрипнетъ калитка и изъ нея выйдетъ женщина съ ведрами на коромыслѣ или какой-нибудь подростокъ, съ прутикомъ въ рукахъ, выгонитъ со двора лошадей на водопой. Обширная базарная площадь, обнесенная рядомъ лавокъ, была также пуста, и въ густой травѣ, какою заросла она, мирно паслись теперь огромныя стада гусей, наполняя воздухъ своимъ немолчнымъ гоготаньемъ.

— На сельцо-то наше любуетесь? раздался со двора голосъ Кузьмы Терентьича, отворившаго въ это время ворота, пропускаемая мимо себя скоть, который работникъ его погналъ на водо-

пой.—Теперича скучно у насъ, сударь, пусто, а вотъ по осени милости просимъ, загляните-ко, тогда у насъ отъ веселья-то и уши гложнутъ, и ребра трещать... хе, хе! съострилъ онъ и, пожелавъ мнѣ покойной ночи, вошелъ въ домъ.

На другой день утромъ ко мнѣ явился вытребованный мною въ Т—ь волостной голова Клокачевъ. Ему было около сорока пяти лѣтъ, росту онъ былъ высокаго, нѣсколько сутуловатый. Достаточно было взглянуть на широкое лицо его, обросшее густою бородой, и на сѣрые, добродушные глаза, чтобы убѣдиться, что подобный человѣкъ не способенъ сдѣлать кому-либо зла. Прочитавъ ему поданное на него прошеніе, я спросилъ:

— Справедливы-ли эти оговоры на тебя?

— Штобы превыше подати я сталъ, сударь, поборы брать съ нихъ, за этотъ извѣтъ на меня пушай Богъ ихъ судить! совершенно спокойно отвѣтилъ онъ.—Въ воровствѣ меня тоже никто не примѣчалъ, да Богъ и не попуститъ меня до этого ремесла, по совѣсти говорю, и за это пушай они отвѣтъ Богу дадутъ. Въ головы я также не напрашивался, а кланялся, и слезно кланялся, міру обойти меня этой честью; ну, ихъ власть-воля была почтить меня, а остальное прочее, чего пишутъ они, все правда, сударь, также спокойно отвѣтилъ онъ:—и кабашиниковъ я стѣснялъ, сударь, не потаю, заколотилъ у нихъ и двери, и окна, пушай ищутъ съ меня отвѣта судомъ!

— За что-же ты такъ круто обошелся съ ними?

— За добродѣтели ихнія, сударь! съ ироніей отвѣтилъ онъ.

— И сельскаго старосту отстранилъ отъ его обязанностей?

— Устранилъ! Ужь не знаю, какъ оно по закону-то взыщется съ меня за то, а по совѣсти, коли бы власть да воля моя была, такъ я бы его со всѣмъ ихнимъ обществомъ въ острогъ сгноилъ! Нѣшто здѣшніе общественники, сударь, имѣютъ крестьянскій обликъ, какой Богомъ-то заповѣдано мужику носить?

— А какой-же обликъ-то Богомъ заповѣдано мужику носить, Флегонтъ Дмитричъ? прервалъ я.

— Жить по чести, въ радѣніи другъ о другѣ, добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица; а какими способами здѣшніе-то мужички себѣ хлѣбъ промышляютъ, а? Вотъ, какъ я взялся за нихъ бы-

ло, задумалъ ихъ сократить по силѣ-мочи, и не любъ сталъ, и чернять меня. Свою-то кличку да на мою шею навѣсили, а вотъ воръ-то вышелъ, а не они! Э-эхъ, кабы начальство-то всѣ свои дѣла по совѣсти дѣлало, сударь, такъ вѣдь село-то это давно бы надоть тремя заборами огородить отъ пріисковаго-то работника. Они вонъ и церковь божью въ два этажа вывели. Спросить бы только надоть, угодна-ли она Богу? Въ ней, сударь, каждый кирпичикъ мужичьей слезой облить, а то такъ и кровью: не одинъ, можетъ, за свое-то добро кровное подъ фундаментъ-то ея и свою головушку положилъ! покачавъ головой, произнесъ онъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Флегонтъ Дмитричъ? спросилъ я.

— А то хочу, сударь, сказать, что въ здѣшнемъ мѣстѣ Человѣчья-то жизнь дешевле рѣпы. Вы бы вотъ поспрошали хозяина-то вашего, какими ремеслами онъ деньги-то добываетъ и по какой родительской заповѣди живетъ! Не скажетъ, а любопытно-бъ!

— А ты знаешь, Флегонтъ Дмитричъ?

— Въ здѣшнихъ мѣстахъ, сударь, и родился, и выросъ, и до сѣдого волоса доживаю. Какъ не знать! Вамъ-то все это, коли рассказать бы, въ диковинку показалось, а намъ-то ужъ примелькалось и дивиться перестали. Воровство, грабежъ, распутство, — вотъ, сударь, какими путями они хлѣбъ себѣ снискиваютъ. За што я кабаки закрывалъ? Не малоумный же я, штобы наѣхалъ да началъ заколачивать въ нихъ и окна, и двери. Вѣдь это прошлогодней осенью дѣло-то было, когда у нихъ партіи таежниковъ гостили, вѣдь они нарочито спаиваютъ ихъ, сударь, да надоть знать, какимъ виномъ — травленнымъ, съ дурманомъ, чтобъ его въ безпамятствѣ-то ошарпать было ловчѣй! Вѣдь до половины рабочихъ изъ этого села и домой не трогаются, а голодные да оборванные съизнова идутъ на пріиски въ наемъ на работу. У здѣшняго мужика нѣтъ того разума, что эфтотъ рабочій такой же, какъ и онъ, мужикъ, что онъ на то и робить безъ отдыха, чтобъ копейку залучить, дома-то его ждетъ семья голодная, нагая и босая, что онъ этими-то деньгами семьей бы свою осчастливилъ, хозяйство бы оправилъ и казенныя, и мірскія повинности съ плечъ свалилъ; они объ этомъ не думаютъ! съ жаромъ говорилъ онъ. — Нѣ-ѣ-ѣтъ, имъ было бы толь-

ко кого обобрать, за то и живутъ господами, эвонъ какіе дома-то вытягиваютъ, шапка съ головы валится, коли вверху-то взглянешь. Рабочій-то съ прісковъ придетъ и нагой, и босой, — они свои мангазеи съ товарами растворяютъ, — а товаръ-то, прости Господи, гнилье одно, — зазываютъ его, навязываютъ — купи, да грабятъ: одно сказать, за грошевую вещь, бросовую — рубли берутъ; накупится онъ у нихъ съ пьяныхъ-то глазъ на десятки рублей, можетъ, да тутъ же у нихъ пропьется, и всю одежду, что накупилъ, съизнова имъ же отдастъ за какой-нибудь штофъ, а они ее почистятъ, попровѣтратъ мало-мало, да на будущій годъ опять въ продажу пушаютъ, опять десятки рублей гробутъ за нее, — вотъ и торговля ихняя, сударь. Какъ при экой комерціи домовъ не вытягивать, диво-ль! А если коснуться теперича иного прочаго — о-охъ, Господи! Языкъ-то не во всякую пору повернется вымолвить, да-а! Женъ и дочерей вѣдь въ явѣ продаютъ, бери, проклажайся, сколь хочешь, только деньги подавай... Тѣфу ты! съ омерзеньемъ сплюнувъ на сторону и тряхнувъ головой, произнесъ онъ. — Отъ срамной болѣзти вѣдь заживо тутъ иные гниютъ у нихъ, вѣдь путный-то мужикъ, сударь, изъ одной чашки съ ними ѣсть не станетъ, потому опаска беретъ и хоронятся! Вотъ вѣдь здѣсь, сударь, какой народецъ-то гнѣздышко себѣ свилъ.

— Неужели все это правда, что ты говоришь, Флегонтъ Дмитричъ?

— Э-эхъ, сударь, немного еще я вамъ доложилъ, съ какою-то грустью въ голосѣ произнесъ онъ. — А лживую рѣчь вести и языкъ не повернется, да и не изъ чего.

— Все село исключительно и живетъ только на счетъ прісковыхъ рабочихъ, а?

— Въ рѣдкость тутъ, сударь, съ совѣстью человѣка найдете, въ рѣдкость. Да и какъ среди этого гомона совѣсть соблюдешь? Иной бы, можетъ, и по совѣсти жилъ, да видить, чего кругомъ и около дѣется, люди не сѣютъ, не жнутъ, а въ избыткѣ живутъ, и онъ, глядя на другихъ, распояшетъ руки, а совѣсть-то за поясъ заткнетъ, да и примется, благословясь, за энтю же рукомесо, благо оно прибыльно! Въ рѣдкость, сударь, въ рѣдкость здѣсь степейнаго мужика встрѣтите. Вѣдь и прежніе-то волостные начальники што, сударь, дѣлали? снова началъ онъ послѣ непро-

должительнаго молчанія. — Какъ только осень, они и съѣдутся сюда, будто за дѣломъ, да вмѣстѣ со всѣми и наживаются, бывало, около рабочихъ-то. Да што, сударь, грѣха-то таить, и господа-то чиновники не отставали отъ нихъ, бывали такіе!.. Э-э, сударь, не пришло еще время все рассказывать, что тутъ дѣяли они! Ну, извѣстно, при энтакихъ порядкахъ, чего кто ни дѣлалъ, всякому все съ рукъ сходило, все было шито да крыто; ну, и любы были экіе-то начальники, а што меня вотъ грѣхъ попуталъ не потакнуть имъ, такъ и воръ, и мошенникъ сдѣлался. Изъ-за чего вѣдь содомъ-то вышелъ у насъ, сударь? Пришла партія рабочихъ сюда, я и сдѣлалъ распоряженье: перекуси-де здѣсь да сейчасъ же съ Богомъ и трогай изъ села, куды кому путь лежитъ, иди домой да тамъ и твори чего хошь, а тутъ-де не пропивайся, и безъ того ужъ у насъ по волости дѣловъ-то не оберешься, а тутъ, молъ, у васъ еще слѣдствіе за слѣдствіемъ пойдетъ, однимъ разгономъ лошадей околѣнный то людъ смаялся отъ вашихъ непутствъ, говорю. Ну, и поднялся споръ. Вѣдь они меня, сударь, въ колья было приняли.

— Рабочіе или здѣшніе крестьяне?

— И крестьяне, а за ними и рабочіе; едва убежъ отъ нихъ, изъ сосѣдняго села ужъ народъ сбиль. Пріѣхалъ съ народомъ да тогда ужъ заклепалъ кабаки-то и старосту устранилъ за то, что онъ супротивъ этого распорядку пошелъ замѣсто того, чтобъ мнѣ помочь! Они съизнова кабаки растворили. Што-жъ, побился-побился я съ ними да и махнулъ на все рукой; што я одинъ-то подѣлаю, сударь? Только жизнь свою подъ пагубу подведу. Ну, вотъ и подали просьбу: разоряю-де ихъ, а што сами они не одну тыщу народа разоряють, — объ этомъ и рѣчи нѣтъ. И все вѣдь это, сударь, на виду у начальства и дѣвалось съ-искони, и дѣется, и могли бы этотъ разбой сократить, да не хотятъ видѣть.

— Почему ты думаешь, что не хотятъ?

— Не выгодно, што-ли, Богъ ихъ знаетъ, не намъ судить о вышней власти, сударь.

— Ну, а какъ же ты думаешь, Флегонтъ Дмитричъ, почему бы невыгодно было и кому бы именно невыгодно отъ этого было, а? Вѣдь ты все-таки предполагаешь же что-нибудь.

— Наше дѣло темное, мужичье, сударь, уклончиво отвѣтилъ

онъ. — Полагаемъ же про себя, что коли здѣшній мужикъ насчетъ грабежу въ благодати живетъ, то, можетъ, эта благодать-то и не въ одинъ его карманъ плыветъ, а и въ другихъ чьихъ ни на есть прорѣхи затыкаетъ, а вторительное дѣло — отъ энтото порядка и золотоискателямъ выгода.

— А тѣмъ какая же выгода?

— Э-э, имъ-то отъ этого, сударь, прямая выгода. Коли рабочій-то только вышелъ съ присковъ да тутъ-же и пропился, такъ имъ и лучше того не требуется. Коли онъ бы заробленныя деньги свои въ цѣльности до дому донесъ, приспособилъ бы ихъ на оправу хозяйства, такъ они бы его и крупичатымъ кренделемъ въ другорядь-то на приски не заманили, сударь: порядки-то тамъ вѣдь не сладкіе, только горькая нужда одна гонить мужика-то на энту золотую каторгу, а коли онъ вотъ тутъ-то пропѣтся до послѣдней нитки, такъ онъ самъ къ нимъ съизнова въ работу придетъ и закабалится на какіе хошь контракты, только не допусти души до пагубы, а имъ это и надо!.. Э эхъ, много, сударь, чрезъ ихнее-то золото мужичьихъ слезокъ течетъ, оттого оно, знать, и блеститъ такъ ярко, что не простой водичей промыто, добавилъ онъ, усмѣхнувшись и покачавъ головой. — Да ужъ про нихъ, сударь, энтихъ золотоискателей, и говорить нечего. Богъ съ ними! Мужикъ для нихъ разѣ человѣкъ, разѣ они понимаютъ, што въ немъ такая-же душа, какъ и въ нихъ? Они скотину свою, сударь, болѣе цѣнятъ и дорожатъ ею, чѣмъ рабочимъ. У иного изъ нихъ скотина-то въ большей холѣ живетъ, слаще ѣстъ и пьетъ, чѣмъ ихній рабочій; знаемъ мы тоже, бывали на прискахъ-то!.. Ну, да одно ужъ скажу: они купцы, у нихъ совѣсть-то сквозная, только будто золотомъ обернутая, а не онучей, какъ у нашего брата мужика... А што вотъ нашъ-то братъ, мужикъ, эдакъ-то съ рабочимъ обороты ведетъ, ужъ тутъ, сударь, грѣхъ потакнуть, грѣ-ѣ-ѣхъ! Ужъ это, кабы моя власть да воля была, сократилъ бы я ихъ. Ну, да выше росту не прыгнешь, выше головы волосы не растутъ, съ горечью въ голосѣ заключилъ онъ. — Чего мнѣ теперича будетъ по ихней-то челобитной, судить стануть меня, што-ль?.. съ ироніей спросилъ онъ...

— Не бойся, Флегонтъ Дмитричъ, обойдется дѣло, успокоилъ я его.

— О-о о?... А они-то грозили меня тогда и въ острогъ запирать, особливо Кузьма-то Терентьичъ, хозяинъ-то вашъ, очень даже изъ сердецовъ выходилъ въ тѣ поры, распинался за общество!..

— Развѣ и онъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ?..

— Онъ-то и главный заводчикъ всему дѣлу!.. Си-и-ила онъ!.. По его-то слову, какъ по дудочкѣ, всѣ и пляшутъ здѣсь. Ну, да и въ губерніи-то за него ходателевъ много найдется, вѣдь иные и золотиискатели-то, сударь, по его ниточкѣ ходятъ!..

— Объясни, какъ это по его ниточкѣ ходятъ?..

— Въ долгу, стало-быть, у него на большую половину сидятъ. Вы не взирайте, сударь, што онъ мужикъ, капиталу-то у него—о-о-о! Городъ купить, коли захочетъ, не сумняйтесь.

— И все это такимъ путемъ нажито, какъ ты рассказывалъ?

— Много у нихъ было путей-то, сударь, всего-то и въ недѣлю время не обскажешь. Мно-о-ого! повторилъ онъ. — Отецъ-то его, покойная головушка, Терентій Савичъ, поколь не объявилось золото по здѣшнимъ мѣстамъ, въ бо-ольшой бѣдности жилъ, не разъ за подушную подать въ контрактную работу его отдавали, сударь, а померъ-то вѣдь съ какими тыщами. Храмъ божій воздвигъ, единственно, почестъ, на свой достатокъ, двѣ медали носилъ, участвовалъ до всякаго почету, а на душѣ его не мало грѣховъ лежало, если поразсказать-то все, какъ онъ до фортуны своей доходилъ! Когда вѣдь золото-то объявилось, сударь, такъ народъ-то валомъ повалилъ на пріиски, всякаго лстилъ прибыльной заработокъ, съ порядками-то ихними не ознакомились тогда, еще, ну и шли!.. У иного крестьянина вѣдь какое хозяйство-то было, вѣкъ бы въ довольствѣ прожилъ; польстился наживой, пошелъ, а съ нимъ и все пошло прахомъ. Отъ энтихъ пріисковъ, сударь, не одна тыща нашего брата, мужика, по-міру пошла, раззоръ отъ нихъ народу, а не польза. Другой бы мужикъ, гляди, приспособился бы къ хозяйству и жилъ бы, если не лучше другихъ, то и не хуже бы, а теперь онъ идетъ на пріиски, хозяйство-то бросаетъ, жена-то съ робятами мается по-міру, домъ и все у него рушится, да и онъ-то не воскреснетъ! Съ начетами да перечетами на пріискахъ коли и получить какія деньги за работу на руки, вырвется сюда да тутъ ихъ и положить въ распахнутые карманы, а домой-то придетъ съ нищей сумой, вотъ и встрѣчай

жена радѣтеля о хозяйствѣ, его же обуи, одѣнь да и прокорми зиму. Вотъ какіе порядки отъ присковъ-то въ народѣ идутъ, сударь.

— А какъ же нажился отецъ-то Кузьмы Терентьича? спросилъ я, прервавъ его.

— А какъ нажился, сударь? Въ первый-то годъ по открытіи присковъ народъ-то вывалилъ съ нихъ извѣстно съ деньгами, вырвался изъ этой каторги-то и захотѣлъ загулу, а разгуляться-то было негдѣ, на мѣстѣ-то этомъ стоялъ одинъ починокъ всего о семи-во сѣми дворахъ,—какой тутъ загулъ, коли и кабака не было да и обогрѣться, и передыхнуть-то негдѣ? Терентій-то и смеки, что струна выпадаетъ, что была бы лапа, а загребать есть чего. Перебейся, какъ ни какъ да и открой кабакъ. Ходила въ народѣ молва тогда, что ему и денегъ-то на кабакъ золотоискатель какой-то далъ, съ тѣмъ, чтобы онъ спаивалъ народъ, чтобы имъ, значитъ, легче было снова рабочихъ-то въ контрактъ залучить. Ну, какъ открылъ онъ кабакъ-то, тутъ ужъ и повали-ишло ему и полило-о-ось вино изъ посудинъ, а деньги въ сундукъ. Въ первую-же зиму онъ и домъ вырубилъ новый, просторный,—сгорѣлъ онъ, рабочіе-же, сказываютъ, и спалили; теперь на эфтомъ мѣстѣ ужъ лавки стоятъ, и на-а тебѣ, изъ дому-то постоянный дворъ снарядилъ. и пошло тутъ у него народу всякое удовольствие: и дѣвокъ на ихъ прохладу держалъ, и мангазей съ товарами снарядилъ, да одинъ Господь только вѣдаетъ, чего тутъ не было! Два раза, сударь, покойникъ-то подъ ножемъ былъ ужъ, какъ только Господь оборонилъ его, диво! А рубецъ на лбу такъ и проносилъ всю жизнь, то—поромъ, сказываютъ, махнули его, да увернулся, только краемъ кожу до кости просѣкло: не часть, знать, былъ! Ну, и отъ него, какъ поговаривали старики, не одна головушка допрежь время въ землю ушла,—всего бывало, денежки-то тоже не даромъ доставались ему! Увидалъ какъ народъ-то, что Терентій своимъ заводомъ фортуна приманилъ къ себѣ, и повали-илъ сюда на жителство, да теперича изъ поселка-то вонъ какое село выровнялось, съ инымъ городомъ поспорить! Гдѣ наперво-то одинъ Терентій хозяйствовалъ, а теперь ужъ ихъ десятками считать приводится. Вѣдь тутъ однихъ мангазеевъ съ товарами, сударь, болѣ двадцати насчитываемъ! Чѣмъ не городъ?.. А кабаковъ и-и-и, Господи твоя воля!.. Да каждый домъ — кабакъ и блудное мѣсто,—вотъ какъ по правдѣ-то говорить надоть!

— Терентій-то давно померъ?

— Годовъ ужъ двадцать будетъ теперь время. Въ послѣднито годы онъ ужъ не хозяйствовалъ, сыну все предоставилъ, а самъ на покоѣ жилъ. Какъ только выклатъ церковь, такъ и прилѣпился къ ней и пищи мясной не прималъ, однимъ благочестіемъ заимствовался, за все только Богу молился и денно, и ношно, сказываютъ, на колѣнахъ предъ иконами простаивалъ!.. Ну, и сынку-то, сударь, тоже много годковъ потребуется грѣхито молитвами отскребать. Тятенку-то, пожалуй, на добрую версту перегналъ! смѣясь, закончилъ онъ.

На очной ставкѣ лица, подписавшія прошеніе, не могли представить никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего вывода въ насильственныхъ поборахъ, производимыхъ Клокачевымъ подъ предлогомъ взиманія съ нихъ податей, а также не привели ни одного факта, который бросалъ бы тѣнь на репутацію его. Просьба эта была однимъ изъ тѣхъ явленій, какія, къ несчастію, нерѣдко практикуются въ народѣ и особенно среди зажиточныхъ крестьянъ, когда имъ для достиженія своихъ неблаговидныхъ цѣлей необходимо отстранить какое-нибудь лицо, отъ котораго они встрѣчаютъ или надѣются встрѣтить препятствіе. Это доносъ, ни на чемъ неоснованный, а если и основанъ на какомъ-нибудь фактѣ, то самый фактъ всегда представляется въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Крестьяне сосѣдняго села, бывшіе въ качествѣ понятыхъ при закрытіи Клокачевымъ кабаковъ, вполне подтвердили все то, что говорилъ самъ Клокачевъ, и на повальномъ обыскѣ въ одинъ голосъ доказывали неблаговидность поведенія своихъ сосѣдей. Можетъ быть, благодаря проискамъ такого вліятельнаго лица, какъ Кузьма Терентичъ, Клокачевъ, выбранный всею волостью въ головы на второе трехлѣтіе, не былъ утвержденъ въ этой должности вслѣдствіе неодобрительнаго отзыва о немъ его ближайшаго начальства.

Не такъ уже приглядны показались мнѣ красивые дома съ узорными балконами на точеныхъ колонахъ, когда я проѣзжалъ мимо ихъ на обратномъ пути изъ Т...я. „Еслибы моя власть да воля была, —я загородилъ бы это село тремя заборами отъ рабочихъ!“ невольно припомнились мнѣ, при видѣ ихъ, слова Клокачева. Не одна, можетъ быть, сотня теперь бездомныхъ крестьянъ коротаетъ свой жалкій вѣкъ на присекахъ, сози-

дая своимъ тяжелымъ многолѣтнимъ трудомъ чужое благосостояніе и благосостояніе своихъ же братьевъ крестьянъ, сдумавшихъ сотеать для нихъ на перепутьѣ ихъ въ родныя села и деревни, такую искусную паутину, въ которой волей-неволей запутываются они и становятся жертвами ихъ. И неужели нѣтъ никакихъ средствъ прорвать и смести эту паутину, подрывающую въ корнѣ благосостояніе не одной тысячи рабочаго люда? „Невыгодно! снова припомнились мнѣ слова Клокачева. — Можетъ быть, благодать-то эта и въ другихъ карманахъ прорѣхи затыкаетъ!“ И предо мной съ поразительной ясностью обрисовалось лицо его съ той ядовитой улыбкой, игравшей на его губахъ, когда онъ произносилъ эти слова.

Покидая Т — ь, я не предполагалъ, что мнѣ снова доведется посѣтить это село въ самый разгаръ своеобразной дѣятельности его обитателей и быть очевидцемъ глубоко-потрасающихъ сценъ. Несмотря на то, что я давно уже покинулъ Сибирь, а эти сцены и теперь еще живо проносятся предо мной, порождая во мнѣ глубокую грусть и боль за положеніе рабочаго люда, забитаго и униженнаго, но достойнаго лучшей участи.

Н. Наумовъ.

(Продолженіе будетъ.)

КОМИСИЯ УЛОЖЕНІЯ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

(Окончаніе.)

Мы видѣли, что населеніе, имѣвшее своихъ депутатовъ въ комисіи, желало реформы налоговъ, скорого и праваго гласнаго суда, реформъ административныхъ, а крѣпостное крестьянство, волнуемое слухами о близкой „перемѣнѣ законовъ“, стремилось къ волѣ, въ чемъ ему несомнѣнно сочувствовали и казенные крестьяне, и значительная часть сельскаго духовенства. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ желаніямъ, чтобы обновить реформами всѣ части государственнаго зданія, необходимо было начать съ освобожденія крестьянъ. Безъ этой коренной реформы невозможно было никакое частное серьезное преобразование, которое неминуемо должно было въ случаѣ своей полноты и успѣха подрывать крѣпостное право, враждебное его общему духу, или-же, въ случаѣ своей неполноты и неудачи, приноровляться къ общему крѣпостному строю и совершенно удалаться отъ предназначенной ему цѣли. Развѣ возможна была, напр., судебная реформа безъ освобожденія крестьянъ. Возможенъ-ли былъ судъ, одинаковый для господина и его раба? Народное образованіе было тоже рѣшительно несовмѣстно съ крѣпостнымъ правомъ, а объ облегченіяхъ для печати ужь и говорить нечего. Между тѣмъ большинство депутатовъ комисіи едва-ли сочувствовало освобожденію; напротивъ,

и купцы, и чиновники, и даже пахотные солдаты просили о дозволѣніи имѣть имѣть крѣпостныхъ, а кн. Щербатовъ даже предлагалъ распродать въ частныя руки всѣхъ остальныхъ крестьянъ, оставшихся еще государственными. Конечно, если-бы Екатерина обнаружила твердое намѣреніе освободить крѣпостныхъ или, по крайней мѣрѣ, значительно улучшить бытъ ихъ, то она могла-бы дать этому дѣлу полный ходъ и даже составить въ пользу его большинство въ самой комисіи, но она вовсе не была расположена къ этому. Что-же касается дворянскихъ депутатовъ комисіи, то хотя едва-ли вѣроятно извѣстіе, будто они условились между собою убить перваго, кто осмѣлится заговорить объ освобожденіи крестьянъ, но несомнѣнно, что почти всѣ они были крайне враждебны ему и сговорились избѣгать всего, что такъ или иначе могло затронуть этотъ вопросъ. Депутатъ Глазовъ даже прямо высказалъ это въ одномъ изъ засѣданій комисіи, замѣтивъ: „можно было-бы подробнѣе говорить о крестьянахъ, но я умалчиваю, чтобы депутатовъ отъ дворянства не приводить въ уныніе духа, а также и потому, что въ этомъ многочисленномъ собраніи присутствуютъ люди разныхъ чиновъ: сказанное здѣсь можетъ разгласиться и вызоветъ, пожалуй, непослушаніе крестьянъ своимъ господамъ“. Но избѣгать предметовъ, могущихъ „приводить депутатовъ отъ дворянства въ уныніе духа“, оказалось рѣшительно невозможнымъ, такъ-какъ освобожденіе крестьянъ было основнымъ вопросомъ русской жизни, съ которымъ находилось въ тѣснѣйшей связи множество другихъ вопросовъ, да и сами помѣщики должны были заговаривать о нѣкоторыхъ крайне непріятныхъ и вредныхъ для нихъ явленіяхъ, которыя порождались исключительно крѣпостнымъ правомъ. Таковы были, напр., чрезвычайно усилившіеся побѣги крѣпостныхъ, особенно изъ губерній, смежныхъ съ польской границей. Крестьяне бѣжали большими шайками, иногда уходили даже цѣлыми селеніями, со скотомъ и другимъ имуществомъ, и при этомъ производили въ имѣніяхъ своихъ господъ кражи, грабежи и поджоги. Нѣкоторые изъ нихъ, возвращаясь на время изъ Польши, составляли разбойничьи шайки, грабили и сжигали усадьбы и, подговоривъ къ побѣгу другихъ крестьянъ, возвращались за-границу. „Оное-жъ сосѣдство съ Польшею, жаловались помѣщики, — до такой привычки довело, что мужья отъ женъ своихъ, равномѣрно-же и жены отъ мужей своихъ, согла-

сясь съ другими надобными имъ полями, бѣгутъ за-границу, а тамъ, назвавъ онъ женою, а та мужемъ, и такъ живя беззаконно, остаются тамъ вѣчно; оставшіеся-же въ Россіи отъ того вѣроломнаго мужа жена, а отъ жены мужъ, принуждены быть отъ молодости до старости безбрачными или также, слюбясь съ другими, тоже уходить въ Польшу и по вышеписанному манеру живутъ по-смерть свою беззаконно-же“. Раздѣлъ Польши, такимъ образомъ, вполне соотвѣтствовалъ интересамъ русскихъ помѣщиковъ, но пока они просили только назначить для ловли бѣглыхъ особыхъ штабъ-офицеровъ, оградить всю польскую границу рвомъ и редутами на разстояніи 2½ верстъ одинъ отъ другого. Не въ однихъ губерніяхъ, близкихъ къ Польшѣ, побѣги крѣпостныхъ разоряли помѣщиковъ и приводили ихъ „въ уныніе духа“, а всюду крестьяне бѣжали массами въ Сибирь, въ раскольничьи скиты, въ лѣса сѣвера и Поволжья. Только въ однихъ окрестностяхъ Саратова иногда ловили въ годъ до 2,500 бѣглыхъ. „Число бродягъ такъ увеличивается, писалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ,—что тюрьмы ими переполнены, какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго за побѣгъ наказанія“. Другіе администраторы указывали еще на голодъ, какъ на причину страшнаго бродяжества: во многихъ мѣстахъ за недостаткомъ хлѣба крестьяне примѣшивали къ мукѣ желуду, избоину изъ конопли и льна, мякину и шли просить милостыню. Дворяне ходатайствовали въ комисіи о наложеніи на помѣщиковъ за пристанодержательство штрафовъ, а „приказчикамъ и старостамъ наказаніе чинить да крестьянъ изъ каждаго двора старшаго одного наказывать, сѣчь плетью“. Упомянутый штрафъ многіе требовали установить въ 500 р., а „на тѣлѣ наказывать жесточайше“. (Спб. И. О. IV, 117, 335, 373 — 5; VIII, 514, 560; XIV, 256, 266, 295; Соловьевъ, XXVII, 19.)

Говоря о побѣгахъ, депутаты не проронили ни слова объ усилившихся съ каждымъ годомъ убійствахъ помѣщиковъ крестьянами. Въ московской губ., напр., было:

Въ 1764 г. убито 2 ч.	Въ 1767 г. убито 5 ч.
„ 1765 „ „ 1 „ „	1768 „ „ 9 „
„ 1766 „ „ 4 „ „	1769 „ „ 10 „

Въ первой статьѣ мы уже приводили замѣтку Екатерины, ко-
„Дѣло“, № 4, 1880 г.

торая на поляхъ бумаги Сумарокова, въ которой онъ писалъ, что помѣщики живутъ съ крестьянами мирно, какъ отцы съ дѣтьми, приписала: „и бываютъ отчасти зарѣзаны отъ своихъ“. Эти явленія, неускользавшія отъ вниманія правительства, становились обыкновенными и чрезвычайно усилились именно около того времени, когда депутаты комисіи собрались удивлять „всѣя подсолнечныя народы“. „Съ какими ужасными отношеніями, говоритъ Сиверсъ,—приходилось мнѣ имѣть дѣло во время первыхъ лѣтъ моей службы въ званіи губернатора огромной новгородской губерніи: сколько дворянъ было погублено, сколько преступниковъ наказано, сколько отправлено въ Сибирь часто по одному требованію господина!“ Въ 1766 г. въ шуйскомъ уѣздѣ крестьяне Телешова, пріѣхавъ разбоемъ въ домъ его, зарѣзали его жену, „а самого его, бивши, оставили едва жива“. Въ 1767 г. въ костромской губ. крѣпостные майора Витовтова съ дубинами и кольями ворвались ночью въ домъ его и, избивъ до полусмерти, бѣжали. Но когда въ 1769 г. былъ застрѣленъ въ своей деревнѣ генераль Леонтьевъ, сенаторы составили докладъ государынѣ, въ которомъ писали: „такое, наконецъ, неслыханное злодѣйство и усугубленная дерзость навели страхъ и ужасъ на каждаго изъ помѣщиковъ, до кого только слухомъ оное дошло... Сенатъ признаетъ нынѣ въ сихъ въ столь короткое время умножившихся убивствахъ особливую чрезвычайность варварскаго зараженія въ сердцахъ слугъ противъ ихъ помѣщиковъ и что умноженіе сего злодѣйства едва-ли уже можетъ прекращаемо быть обыкновеннымъ въ челоуѣколюбивыхъ монаршихъ законахъ наказаніемъ“. Сенатъ просилъ назначить злодѣямъ смертную казнь, „сію божественными и гражданскими во всѣхъ народахъ уставами праведную месть къ устрашенію злодѣевъ и къ удержанію отъ столь свирѣпаго и умножающагося челоуѣкоубійства“. (Соловьевъ, XXVII, 65; „Р. Стар.“ XVIII, 197 — 201; „Р. Арх.“ 1878, III, 426 — 29.) Неизвѣстно, что сдѣлали съ убійцами Леонтьева, но желанія, выраженныя сенатомъ, были несомнѣнно общи всѣмъ помѣщикамъ, только ихъ представители въ комисіи, какъ уже замѣчено, не осмѣлились произнести по этому поводу ни одного слова, опасаясь задѣть вопросъ объ источникѣ этихъ преступленій.

По той-же самой причинѣ ничего не говорили депутаты о по-

стоянныхъ крестьянскихъ волненіяхъ, которыя особенно усилились ко времени комисіи, хотя, по свидѣтельству самой Екатерины, были „такіе начальники, которые слово *бунтъ* употребляли тамъ, гдѣ его и признаковъ не было, отчего только излишняя тревога и всякое злоупотребленіе происходили“. Передъ самымъ открытіемъ комисіи, во время поѣздки Екатерины изъ Москвы въ Казань и обратно, ей было подано до 600 просьбъ, и почти все крестьянами на помѣщиковъ. Значительная часть этихъ просьбъ была составлена несомнѣнно подъ вліяніемъ ходившихъ всюду „слуховъ о перемѣнѣ законовъ“. Въ провинціи Переяславля-Залѣскаго пронесся слухъ, что находящіеся въ этой провинціи помѣщичьи деревни будутъ отписаны въ казну и оброки съ нихъ будутъ собираться такіе-же, какъ и съ монастырскихъ крестьянъ. Кашинскаго уѣзда помѣщиковъ Олсуфьевыхъ крестьяне подали императрицѣ просьбу объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ. Воевода, по именному указу, объявилъ имъ, чтобъ они оставались по-прежнему въ должномъ послушаніи, на что крестьяне всѣ единогласно отвѣчали, что у помѣщиковъ своихъ въ послушаніи быть не хотятъ. Сенатъ приказалъ отправить противъ нихъ воинскую команду. Но, несмотря на повторительныя запрещенія, подали императрицѣ просьбы крестьяне помѣщиковъ Леонтьева, Лопухиныхъ и Толстой. Екатерина велѣла просителей отослать въ сенатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прислала туда и указъ: такъ-какъ подобныхъ просьбъ отъ крестьянства на помѣщиковъ подавалось и прежде немалое число, то ея императ. величество сомнѣвается, чтобъ оказующееся отъ крестьянства на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій; поэтому сенатъ повелѣваетъ, въ предупрежденіе такого зла, придумать благопристойныя средства. Сенатъ приговорилъ донести императрицѣ, что онъ считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ обнародовать печатнымъ указомъ, чтобъ крестьяне и дворовые люди отнюдь не отваживались на помѣщиковъ своихъ бить челомъ, кромѣ изображенныхъ въ уложеніи и прежнихъ указахъ дѣлъ, а дерзнувшіе подвергнуть себя публично наказанію кнутомъ; указъ этотъ читать во всѣхъ церквяхъ; присланныхъ теперь крестьянъ отослать въ московскую губернскую канцелярію и тамъ велѣть ихъ допросить подъ пристрастіемъ, кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ; на кого покажутъ, тѣхъ сыскивать и, забравъ подъ караулъ, ранортовать сенату; потомъ немедленно по-

минутыхъ крестьянъ одну половину, раздѣля по нѣскольку чело-
вѣкъ, наказывать въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ плетью въ
торговый день съ барабаннымъ боемъ публично и отдать обратно
помѣщикамъ, а другую половину наказывать такимъ-же образомъ въ
ихъ жилищахъ при собраніи прочихъ крестьянъ, для предупреж-
денія симъ примѣромъ подобныхъ преступленій. Но такъ-какъ се-
нать, рассматривая источникъ зла, находить, что можетъ иногда
и чрезъ мѣру строгій и неразумительный поступокъ помѣщиковъ
въ разсужденіи своихъ крестьянъ подать послѣднимъ поводъ и
достаточную, по ихъ мнѣнію, причину къ такимъ челобитьямъ,
то разсудилъ поручить нѣкоторымъ изъ господъ сенаторовъ пере-
говорить съ помѣщиками этихъ челобитчиковъ секретно о при-
чинѣ неудовольствія ихъ крестьянъ, и чтобъ они старались поль-
зоваться правомъ господства, послѣдуя человеколюбію и принимая
въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ работами и
оброками“. Натянутость этихъ взаимныхъ отношеній, съ одной сто-
роны, возбуждала раздраженіе и какое-то болѣзненное чувство по-
дозрительности, а съ другой—ненависть и противодѣйствіе. Всѣ
помѣщики были страшно напуганы, и мнительность ихъ развилась
до такой степени, что даже при самомъ мирномъ настроеніи сво-
ихъ крѣпостныхъ они доносили, что „крестьяне весьма склонны
къ возмущенію“, и требовали присылки солдатъ. (Соловьевъ, XXVII,
19, 66; Р. Стар. XVIII, 212—19.)

Многіе члены комисіи понимали, что эта внутренняя раздѣдаю-
щая болѣзнь, которою страдало государство, требуетъ радикаль-
наго леченія, на что ясно указывали и иностранцы. Англичанинъ
Коксъ, напр., описывая въ своемъ путешествіи по Россіи положе-
ніе народа, говорилъ: „Общее усовершенствованіе немислимо, пока
существуетъ крѣпостное право; никакой дѣйствительной перемѣны
не произойдетъ въ національныхъ нравахъ, пока народъ не поль-
зуется личною и имущественною безопасностью. Что будетъ побу-
ждать его къ преуспѣянію въ ремеслахъ и мастерствахъ, когда
онъ не можетъ пользоваться плодами своего труда и облагается
податями сообразно своей умѣлости и получаемому заработку?“
Ничего подобнаго не говорилось въ комисіи, ни одного слова не
было произнесено объ освобожденіи крестьянъ, и только хоперскій
казакъ Алейниковъ мимоходомъ указалъ на „цѣлую Европу, ко-
торая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ“.

Противъ этого замѣчанія никто не возражалъ, потому, вѣроятно, что въ то время еще недостаточно была развита и распространена теорія о какихъ-то якобы особыхъ законахъ развитія Россіи; за то всѣ другія мнѣнія и рѣчи, даже самымъ отдаленнымъ образомъ касавшіяся крѣпостного гнета, приводили большинство депутатовъ „въ уныніе духа“; и только благодаря строгой дисциплинѣ, наложенной на собраніе, крѣпостники не доводили преній до ожесточенной перебранки. Когда, напр., однопорецъ Давыдовъ высказалъ нѣсколько самыхъ скромныхъ замѣчаній объ обидахъ, причиняемыхъ крѣпостными крестьянами черносошнымъ и однопорцамъ, то обоянскій дворянинъ Глазовъ подалъ письменное мнѣніе, о которомъ въ протоколахъ сказано: „Хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 22 большихъ страницъ, однако, трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ обоянской браить безъ малѣйшаго смягченія депутата елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поноситъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ, отдалясь отъ своего предлога (предмета), ругаетъ каргопольскій наказъ и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочесть, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Конечно, таковому странному возраженію свойственно было произвести смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9-й страницѣ, занявъ собраніи надлежащее благочиніе могло-бы совсѣмъ быть нарушено“. Собраніе оштрафовало Глазова и заставило просить у депутатовъ прощенія. Еще сильнѣе встревожилось собраніе, когда депутатъ Коробинъ, говоря о побѣгахъ крѣпостныхъ, сказалъ, что въ нихъ виноваты сами помѣщики, которые „съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати; есть и такіе, которые, промотавъ свои позитки и набравъ много долгу, отдають своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать хотя одни слѣдуемые къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прехотей своихъ не станеть, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ

единственно для своей корысти". Коробинъ въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ предлагалъ ограничить власть помѣщика, точно опредѣлить размѣры платежей и повинностей крестьянина и дать ему право собственности на имѣніе. Пренія, возбужденныя этимъ депутатомъ, продолжались цѣлый мѣсяць, и изъ 17 говорившихъ депутатовъ за улучшеніе быта крѣпостныхъ высказалось только 5, а противъ—12. Почти всѣ оппоненты отвѣчали Коробину не по существу, а только злились и старались запускать ему шпильки. Упомянутый уже Глазовъ, напр., говорилъ, что Коробинъ просто-на-просто ничего непонимающій мальчишка, хотя, проученный уже штрафомъ и выговоромъ, Глазовъ выразилъ эту мысль въ очень мягкой формѣ. Тотъ-же Глазовъ, неизвѣстно какъ разнюхавъ, заявилъ собранію, что Коробинъ въ сущности даже не депутатъ, а только лицо, получившее полномочіе отъ депутата, избраннаго дворянствомъ, но сложившаго съ себя это званіе, что мѣстное дворянство не поручало ему высказывать выраженныхъ имъ мнѣній и что у него, можетъ быть, даже вовсе нѣтъ имѣнія въ томъ уѣздѣ, представителемъ котораго онъ называется. Другой депутатъ заявилъ, что Коробинъ оскорбляетъ все благородное дворянство, третій—что онъ имѣетъ „предметомъ снисканіе похвалъ только отъ людей легкомысленныхъ". Коробинъ защищался слабо, можетъ быть, струсилъ крѣпостниковъ, которые, по всей вѣроятности, въ засѣданіи комисіи просто бѣсновались отъ злобы и набрасывались на Коробина съ пѣною у рта. Досталось отъ нихъ и пристававшимъ къ мнѣнію Коробина пахотному солдату Жеребцову и одиодворцу Маслову. Дворянинъ Похвисневъ началъ иронизировать надъ „особливой остротой ума" солдата и говорилъ: „Я отдаю справедливость благоразумію и тонкости сего г. депутата Жеребцова. Подлинно сіе есть дѣло чрезвычайнаго разума—не имѣя ни ученія, ниже упражненія въ дѣлѣ, быть извѣстну о всѣхъ подробностяхъ онаго". Другой дворянскій депутатъ, Кондыревъ, напалъ на Жеребцова гораздо энергичнѣе, доказывая, что такое внимательство простого солдата въ дворянскія дѣла должно считать „за одинъ смѣхъ и обиду цѣлаго государства дворянъ при другихъ иностранцахъ, чего ни въ какое время того не бывало!..". Противъ Маслова же говорилъ Веденѣвъ, замѣтившій между прочимъ, что если отъ нѣкоторыхъ господъ и бывали притѣсненія и изнуренія крестьянъ, то не Маслову объ этомъ судить,

„а во время второго Христова пришествія каждый по дѣламъ своимъ или прославится, или устыдится“. Жеребцовъ и Масловъ возражали довольно вяло, но за нихъ отличился депутатъ архангелогородскихъ казенныхъ крестьянъ, Чупровъ, который на возраженіе Коробину кн. Щербатова, перевозосившаго, по обыкновенію, доблести и заслуги дворянства, сказалъ, что не одни дворяне оказываютъ услуги государству, „и дѣло не о томъ идетъ и господа депутаты не на то собраны, чтобы чести себя приписывать, но объ узаконеніи всѣхъ вообще и каждого особенно. Поэтому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщичьихъ крестьянъ“, чтобы съ изданіемъ новаго уложенія они не остались по-прежнему „въ бѣдности и безпокойствѣ, какъ и нынѣ за нѣкоторыми безъ призрѣнія и защищенія находятся“. Нужно заботиться о бѣдныхъ, а „которые въ милости и счастіи, таковыхъ и представлять, кажется, не слѣдуетъ, какъ господа депутаты о томъ многословятъ“. Что-же касается замѣчанія дворянина Бровцына, что государственные крестьяне, вслѣдствіе того, что живутъ въ вольности, плохо занимаются земледѣліемъ, изворовались, чинятъ побѣги, то на это Чупровъ рѣзко отвѣчалъ, что „и во всей подсолнечной, во всякомъ родѣ между добрыми есть средніе, а между иными *и не безъ дураковъ*“.

Крѣпостники старались изобразить отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, разясняя, что „дворяне, получивъ земли и деревни въ награду за пролитую свою кровь и за разныя услуги, большую часть земли уступили своимъ крестьянамъ для ихъ пропитанія; они снабдили ихъ лѣсами и лугами; они надзираютъ надъ крестьянами, подобно какъ надъ своими дѣтьми, чтобы никто не причинилъ имъ никакой обиды и чтобы между собою они не разоряли другъ друга; дворяне ссужаютъ ихъ во время нужды и хлѣбомъ, и скотиной, и лошадьми“. Кн. Щербатовъ утверждалъ даже, что самъ Монтескье одобряетъ крѣпостное право. Депутатъ Лопухинъ говорилъ, что бываютъ и дурные помѣщики, но „непорядочный владѣлецъ, разоряя своихъ крестьянъ, только самъ себя наказываетъ, что его и наказывать больше нельзя“. Депутатъ Протасовъ защищалъ неприкосновенность помѣщичьихъ правъ съ точки зрѣнія національных особенностей, доказывая, что „должно разобрать положеніе всякой земли“, что „не все то можетъ быть въ одной полезно, что въ

другой. По-моему, бесполезно Россіи, чтобы всѣ члены ея были вольны, ибо въ однихъ ограниченныхъ правленіяхъ нижнему роду вольность сколько-нибудь прилична, да и въ самыхъ тѣхъ государствахъ вольность по большей части вредна бываетъ. Если-бы сторонники улучшенія крестьянскаго быта прямо поставили вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, то крѣпостники должны были-бы ограничиться общими мѣстами о вольности, дворянской чести, благодѣтельности крѣпостной зависимости, но либералы, вроде Коробина, хотѣли отдѣлаться полумѣрами, и находчивые крѣпостники ловко воспользовались этимъ, чтобы поразить ихъ съ ихъ-же точки зрѣнія. Возражая Коробину, они совершенно основательно говорили, что его полумѣра, дарованіе крѣпостному правъ собственности безъ освобожденія его личности, не приведетъ ни къ чему. „Дворянство, сказалъ Глазовъ, — можетъ быть благодарно Коробину за то, что онъ оставляетъ крестьянъ въ полной власти помѣщиковъ, но крестьяне не почтутъ его своимъ защитникомъ“. „Не могу безъ удивленія видѣть, говорилъ кн. Щербатовъ, — что насколько онъ заботится объ имуществѣ крестьянъ, настолько-же мало прилагаетъ старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣшенія, которое можетъ произойти отъ наказаній, ибо тщетно имя собственности растверживать, когда тѣло чье подвластно другому: имѣніе его всегда тому-же подвластно будетъ“. Не безосновательно было и другое возраженіе крѣпостниковъ, что предоставленіе крестьянамъ права жаловаться на помѣщиковъ только обостритъ ихъ взаимныя отношенія, поведетъ къ бунтамъ и посягательствамъ на жизнь господъ. Еще болѣе основательно говорили они противъ отдачи земли въ частную собственность крестьянамъ, которые неминуемо будутъ распродавать свои участки людямъ зажиточнымъ, а сами начнутъ превращаться въ ихъ батраковъ. Нѣсколько преувеличивая дѣло, кн. Щербатовъ говорилъ при этомъ: „Слѣдствіе сей собственности мы уже видимъ у чернососныхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ большая часть, продавъ свои земли, у меньшей въ неволѣ находится“, вслѣдствіе чего имъ и запретили, наконецъ, продавать земли. Кромѣ того, „разныхъ владѣній и разнаго употребленія смѣшанныя земли произведутъ отъ однихъ другимъ немалый вредъ, яко драки, убійства, перекося, потравы и проч.“ Не безъ основанія также указывали крѣпостники, что переходъ власти надъ крестьянами отъ

помѣщиковъ въ руки тогдашняго чиновничества не особенно-то облагодѣтельствуетъ мужиковъ. Но вооружаясь, такимъ образомъ, противъ либеральныхъ полумѣръ, крѣпостники опасались, какъ-бы имъ не сказали: „ну, такъ, значить, слѣдуетъ вполне освободить крестьянъ“, и поэтому-то въ ихъ рѣчахъ то-и-дѣло слышались фразы о благодѣтельности крѣпостного права, какъ фундамента государственной силы и порядка, благодаря которымъ „отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствія“, какъ выразился депутатъ Лопухинъ. По мнѣнію кн. Щербатова, крѣпостное право необходимо для спокойствія государства, а вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, даже ограниченія помѣщицкой власти, „развратились-бы начальныя основанія правленія, вкоренилось-бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго“. Похвисневъ при этомъ пересаливалъ до того, что утверждалъ, будто-бы съ освобожденіемъ крестьянъ будутъ чаще случаться убійства помѣщиковъ!..

Противники крѣпостного права представляли на возраженія консерваторовъ новые доводы, причемъ особенно толково говорили крестьянинъ Чупровъ, однодворецъ Масловъ и солдатъ Жеребцовъ. Они доказывали, что на крѣпостныхъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе, въ виду помѣщиковъ, „безмѣрно мучающихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ“, заставляющихъ ихъ ежедневно работать на себя и доводящихъ ихъ до побѣговъ, которые многіе считаютъ самовольствомъ, „не подумавъ, отъ радости-ли крестьянинъ покидаетъ своихъ малыхъ дѣтищъ, чего не сдѣлаетъ и дикій звѣрь“. Эти поборы, эти работы тѣмъ болѣе невыносимы, что крестьянъ принуждаютъ къ нимъ, „изуродовавъ разными мученіями“, и немудрено, что крестьянинъ бѣжитъ, не желая „видѣть тѣла своего обезображеннымъ“. Кромѣ этихъ домашнихъ расправъ, крѣпостные еще безвинно подвергаются наказаніямъ въ судебныхъ мѣстахъ. Помѣщики заставляютъ ихъ распахивать чужія мѣста, выкашивать траву, вырубать лѣсъ, отчего происходятъ драки и убійства. Крестьянъ за это хватаютъ, мотаютъ въ тюрьмахъ, наказываютъ; если-же они не послушаютъ помѣщика, то терпятъ истязанія отъ него. Къ этому депутатъ екатеринославскаго шляхетства, Козельскій, добавлялъ, что пьянство и мотовство, за которыя такъ часто обвиняютъ крестьянина, зависятъ отъ того-же рабства. „Онъ разумѣетъ и впредь знаетъ,

что все, что-бы то ни было у него, то, говорятъ, не его, а помещиково; такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому тутъ человѣку надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить! И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается нерадивымъ во всегдѣшнемъ насиліи“. Необходимо оградить крестьянъ закономъ отъ разоряющихъ ихъ помещиковъ, „а таковыхъ число едва-ль не умножается“. Помѣщики говорятъ, что крестьяне съ освобожденіемъ лишатся помощи господъ своихъ во время неурожая и другихъ бѣдствій; но, говорилъ Козельскій, „помѣщикъ сколько-бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него-же богатъ, и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго ихъ хлѣба, скота и всего пропитанія, такъ гдѣ-жъ онъ возьметъ всего того, чѣмъ-бы ему во время нужды, т. е. въ самомъ крайнемъ недостаткѣ, cadaго изъ крестьянъ своихъ снабдить? Отъ сего благодѣянія и владѣющій принцъ скоро откажется“. Козельскій предлагалъ ограничить барщину двумя днями въ недѣлю, опредѣлить сумму замѣняющихъ ее оброковъ и надѣлить крестьянъ землею, которою-бы они „владѣли сами потомственно, безъ участія помещиковъ, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводиться и постоянно жить могли“. При всемъ томъ Козельскій желалъ удержать въ прежней силѣ личную зависимость крестьянъ, которые, „подъ наблюденіемъ помещиковъ всегда будучи, останутся въ прежнемъ страхѣ и почитаніи ихъ“. Замѣчательно, что мнѣніе Козельскаго, болѣе рѣзкое и опредѣленное, чѣмъ предложеніе Коробьина, вовсе не вызвало преній въ собраніи, не возбудило никакихъ возраженій со стороны крѣпостниковъ, которые къ этому времени какъ-будто-бы успокоились, понявъ, что либеральныя предложенія объ улучшеніи быта крѣпостныхъ не приведутъ ни къ чему и все останется по-прежнему. Крѣпостники не соглашались ни на какія улучшенія быта крестьянъ, кромѣ узаконенной уже отдачи подъ опеку имѣній помещиковъ, отличающихся безчеловѣчностью, да запрещенія продажи крестьянъ въ розницу, безъ земли, которое тоже давно уже существовало, только не исполнялось. Объ этой продажѣ говорилось даже въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ, а въ комисіи противъ нея гремѣлъ самъ краснорѣчивый вождь крѣпостниковъ, кн. Щербатовъ: „Обратимъ взоры наши на челоуѣчество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти

до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, непросвѣщенные чистымъ нравоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспомнимъ, что людей, какъ скотину, по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой либо вредъ, то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе, и за него законы принуждали къ платежу. Мы—люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ-ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей, отъ родственниковъ или отъ дома кого-либо мужского или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ, къмъ рожденъ, и къмъ воспитанъ, и съ къмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи! Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожалѣнія остающихся! Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная комісія узаконить запрещеніе продавать людей по одиночѣ безъ земли“. Только одинъ курмышскій дворянинъ Алфимовъ защищалъ эту продажу, доказывая, что дворянамъ она часто необходима для уплаты долговъ, да и „между крестьянами есть нерадивые и склонные къ преступленіямъ; такимъ людямъ удаленіе отъ ихъ семей служить наказаніемъ; кромѣ того, продажа ихъ удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ“. Несмотря на то, что противъ этой продажи было большинство депутатовъ и ее запретили, она все-таки продолжалась вплоть до отмѣны крѣпостного права. (Сб. Ист. Общ. 108, 113, 131, 420; VIII, 108, 138, 222, 371; XIII, 143; XIV, 123, 134.)

Кромѣ общей комісії, крестьянскій вопросъ разсматривался еще въ частной „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“, состоявшей изъ 6 дворянъ и 1 купца. Въ руководствѣ, составленномъ для этой комісії императрицею, указывались именно самыя незначительныя полумѣры, отъ коихъ „и хозяину, и земледѣльцу равная прибыль окажется. Нѣтъ-ли способа найти основаніе, могу-

щее произвести нечувствительно нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества?“ Немало члены этой комисіи исписали бумаги, проектируя хоть сколько-нибудь ограничить произволъ помѣщиковъ, не затрогивая ихъ существенныхъ интересовъ, но всѣ эти проекты были сданы въ архивъ на гніеніе, да скоро и вся комисія уложенія была, такъ-сказать, положена подъ сукно. Екатерина признавалась, что комисія „подала ей свѣтъ и свѣденіе, съ кѣмъ она дѣло имѣетъ и кѣмъ управлять должна“. Она увидѣла, что быть реформаторомъ несравненно труднѣе, чѣмъ компилировать Монтескье и Бекаріа, что освобожденіе крестьянъ, самоуправленіе, реформа суда и налоговъ должны затянуться на долгіе годы, имъ нужно будетъ посвятить много трудовъ и времени и придется нажить множество враговъ изъ дворянъ, наполнявшихъ и дворъ, и гвардію. Турецкая война доставила хорошій предлогъ для отсрочки всѣхъ важныхъ реформъ. Комисія, засѣданія которой въ 1768 г. были перенесены въ Петербургъ, была вскорѣ предана забвенію, а въ концѣ 1771 г. ей повелѣно „впредь засѣданій до 1 января 1772 г. не имѣть“. Депутаты разъѣхались и больше не съѣзжались, хотя въ перепискѣ съ своими европейскими друзьями Екатерина и продолжала поддерживать въ нихъ надежды на осуществленіе реформъ. Когда, напр., Вольтеръ по поводу этихъ проектированныхъ реформъ наставлялъ много лестнаго для Екатерины въ своей статьѣ „Законы“, она въ 1771 г. писала ему: „Если-бы не война, которую султанъ несправедливо объявилъ мнѣ, то, конечно, была-бы выполнена большая часть того, о чемъ вы говорите, но въ настоящее время можно только составлять проекты для разныхъ частей по началамъ, мною напечатаннымъ и вамъ извѣстнымъ. Мы такъ заняты войною и это такъ поглощаетъ наши мысли, что въ данный моментъ никакъ не можемъ дать надлежащаго хода столь важному дѣлу“. Въ слѣдующемъ году она снова сообщала Вольтеру: „если состоится миръ, то я снова примусь за свое уложеніе“. (Сб. И. О. XIII, 75, 181, 262.) Но пришелъ и миръ, а объ уложеніи молчали, и нѣкоторые изъ разъѣхавшихся депутатовъ комисіи сильно негодовали на то, что ихъ не сзываютъ вновь, какъ тотъ уфимскій помѣщикъ Аничковъ, о которомъ С. Аксаковъ рассказываетъ, что „онъ не могъ прос-

тить государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что пора мужской рукѣ взять скипетръ власти“. („Дѣтскіе Годы“, 191.) Обстоятельства какъ-будто нарочно оправдывали отсрочку реформъ. За чумою слѣдовали постепенно усилившіяся волненія крестьянъ, всегдашнія стремленія которыхъ были сильно возбуждены „слухами о перемѣнѣ законовъ“ и толками о комисіи, шедшими отъ ея разѣхавшихся депутатовъ. „Въ комисіи о сочиненіи уложенія, говоритъ современникъ, — неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробина, веѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, и тщетно многими лучшими сынами отечества испровержено было мнѣніе г. Коробина: упившіяся сердцалестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли“. („Чтен. общ. ист. и древн.“ 1861, III, 98.) Эти „низкихъ чиновъ депутаты“ рассказывали, конечно, что представители правительства въ комисіи ни однимъ словомъ не поддерживали крѣпостниковъ, не высказывались противъ обузданія помѣщичьяго произвола и противъ столь желанной крестьянами „воли“. Отсюда возникали въ народѣ новыя надежды, и замѣчательно, что въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, 1770—1773, вовсе не было волненій крѣпостныхъ крестьянъ, между тѣмъ какъ въ предыдущіе годы эти волненія постепенно усиливались. Народъ терпѣливо ждалъ „перемѣны законовъ“, ждалъ результатов дѣятельности столько напумѣвшей комисіи, ждалъ воли. Въ этомъ напряженномъ состояніи волненія уральскихъ казаковъ были искрою, ускорившею катастрофу. Несмотря на невѣжество и тупость самозванца, пугачевщина глубоко потрясла государственный строй. „Я вамъ законный императоръ, говорилъ онъ народу. — Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я появлялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единого. Они склонили ее, чтобы всѣхъ крестьянъ отдать имъ въ рабство, но я тому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убійцу, но Богъ меня спасъ“. Въ своихъ письмахъ къ Вольтеру Екатерина смѣялась

надѣ „маркизомъ Пугачевымъ“ и называла его глупцомъ; дѣйстви-
тельно, Пугачевъ ни въ чемъ не обнаружилъ ни особеннаго ума,
ни дальновидности, но опасность государству заключалась не въ
его личности. „Не Пугачевъ важенъ, — важно общее негодованіе“,
писалъ первый умиритель пугачевщины, Бибииковъ, изъ бумагъ
котораго, по свидѣтельству англійскаго посла Гунинга, оказалось,
„что, по его мнѣнію, невозможно подавить этотъ мятежъ одной
только силой оружія, но необходимо отыскать какое-либо средство
удовлетворить народъ“. Гунингъ, объѣздившій нарочно нѣсколько
губерній и серьезно занявшійся ознакомленіемъ съ причинами мя-
тежа, въ августѣ 1774 г. писалъ: „Неудовольствіе повсемѣстно и
ежедневно усиливается до такой устрашительной степени, что опа-
сенія многихъ должностныхъ лицъ, хранившихъ до сихъ поръ
молчаніе въ виду собственныхъ интересовъ, побудили ихъ обнару-
жить передъ императрицею дѣйствительное положеніе дѣлъ, объявивъ
при этомъ, что они не въ силахъ далѣе управлять государствомъ
иначе, какъ если будутъ приняты какія-нибудь чрезвычайныя мѣры.
Эго дало ей болѣе правильный взглядъ на несвоевременность и
непопулярность предыдущаго ея образа дѣйствій; между средствами,
указанными ей для немедленнаго предупрежденія послѣдствій, мо-
гущихъ возникнуть отъ столь всеобщаго ропота, ей было предло-
жено путешествіе въ Москву, и по полученіи извѣстія о томъ, что
Казань сожжена Пугачевымъ, отъѣздъ въ Москву былъ рѣшенъ“.
Но государыня не разъ откладывала этотъ отъѣздъ и не разъ
снова намѣревалась ѣхать. Половина государства была объята мя-
тежомъ, всюду шелъ, по выраженію Державина, „прекровожаждущій
на благородныхъ рыскъ“, московская чернь съ нетерпѣніемъ
ждала прихода Пугачева. Гунингъ въ сентябрѣ 1774 г. пи-
салъ, что курьеръ, привезшій императрицѣ извѣстіе о пораженіи
самозванца Михельсономъ, „описывая положеніе дѣлъ въ тѣхъ гу-
берніяхъ, откуда онъ прибылъ, сказалъ ей съ откровенностью, что
недовольство народа почти повсемѣстно, что низшіе классы, начи-
ная отъ стѣнъ самой столицы, называютъ Пугачева не иначе, какъ
Петромъ III; что дворянство и духовенство начинаютъ жаловаться,
что они равно страдаютъ отъ императорскихъ войскъ и отъ
войскъ Пугачева и что слѣдуетъ употребить всѣ средства для
успокоенія нынѣ возбужденныхъ неудовольствій. Весьма желательно,
чтобы это удалось въ продолженіи этой зимы, ибо если, какъ опа-

саются многіе, окажется недостатокъ въ зерновомъ хлѣбѣ, то трудно сказать, до какихъ крайностей можетъ быть доведенъ народъ“. („Сб. и. о.“ XIX, 429—434.) Обстоятельства принудили Екаторину для восстановленія порядка опереться исключительно на помѣщиковъ и даже на людей лично ей ненавистныхъ. Она назвалась „первою помѣщицею“ въ государствѣ и, облакая гр. Панина почти диктаторскою властью, въ то-же время писала Потемкину: „я сама предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю“. (Id., XIII, 420.) Императрица хотѣла, чтобы усмиреніе мятежа совершалось съ наименьшей жестокостью, но страсти были такъ раздражены, что на это никто не обращалъ вниманія, и возмездіе за мятежъ было, можетъ быть, даже ужаснѣе его. „Эти казни невѣроятны, говоритъ Пушкинъ въ своей исторіи бунта.—Однихъ растыкивали по кольямъ, другихъ вѣшали ребрами на крюки, нѣкоторыхъ четвертовали, остальныхъ прощали, отрѣзавъ имъ носы и уши“. Помѣщики разыскивали между своими крѣпостными бунтовщиковъ и ихъ сообщниковъ, сами наказывали ихъ или, представляя ихъ властямъ, просили „о наказаніи кнутомъ и плетью и объ отнятіи членовъ, т. е. ушей, а если достойны будутъ, то и о лишеніи живота“. Особенно ужасно наказывали виновниковъ мятежа, напр., Заметаева, дѣйствовавшего по всему Поволжью отъ Саратова до моря: его сѣкли кнутомъ во всѣхъ мѣстахъ, куда только заходила шайка, и, наконецъ, засѣкли. Даже женщинъ за одни только разговоры о самозванцахъ, „во унятіе и въ поддежаній всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію, учина публичное съ барабаннымъ боемъ жестокое плетью наказаніе и подрѣзавъ платье, яко нетерпимыхъ въ обществѣ, черезъ профосовъ выгоняли за городъ метлами“. („Руск. Архивъ“ 1865, с. 1864; „Самозванцы“, Мордовцева, I, 94, 212; II, 68.) Крѣпостное право окрѣпло, и авторъ „Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ“, говоря объ ужасахъ пугачевщины, извлекалъ изъ нихъ слѣдующій урокъ: „Таковое почти можно сказать всеобщее преступленіе, кажется, долженствовало-бы, если-бы они и право имѣли къ вольности и собственности, на немалое время ихъ онаго лишить, и если-бы не были рабами,

передать ихъ въ рабство дондеже искоренятся злая стѣмена изъ сердецъ ихъ“ . („Чт. въ общ. ист.“ 1861, III, 99.) И были преданы: къ концу екатерининскаго царствованія крѣпостныхъ крестьянъ было болѣе 6,000,000, а черносошныхъ всего 600,000.

По распущеніи комисіи и усмиреніи пугачевщины Екатерина снова принялась за реформы, чтобы сколько-нибудь удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ страны и поддержать свою славу въ Европѣ. Въ мартѣ 1775 г. англійскій посолъ доносилъ своему министру, что царица большую часть зимы занималась пересмотромъ уложенія царя Алексѣя, „и мнѣ передавали, что она въ непродолжительномъ времени намѣревается напечатать его съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями“. Извѣщая министра о новомъ учрежденіи, о губерніяхъ, посолъ приходилъ отъ него въ восторгъ: „Этотъ трудъ весьма обширенъ и весь принадлежитъ императрицѣ; духъ человѣколюбія, которымъ онъ пропитанъ, забота о благополучіи каждаго сословія ея подданныхъ, принесутъ ея величеству еще болѣе чести, чѣмъ достойно прославленный Наказъ“ . („Сб. ист. об.“, XIX, 452, 508.) Не такъ думали нѣкоторые въ Россіи, и Винскій писалъ въ своихъ мемуарахъ: „Екатерина разстроєніемъ Польши, побѣдами надъ турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыгравши первое дѣйствіе своея политическія фамы довольно удачно, вздумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми новыми ежели не законами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ была назначена древняя столица и цѣлый 1775 годъ. Мелодрама открылась наряднѣйшимъ императрицы вѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торжественныя врата, взгроможденныя на скорую руку хотя изъ лубковъ и роговъ, но раскрашенныя, раззолоченныя и въ приличныхъ мѣстахъ убранныя соотвѣтственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія, къ чему присоединяя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было безподобно. Въ мартѣ государыня, при торжественномъ засѣданіи сената, пожаловала народу 47 милостей. Сіи милости, для увѣко-

вѣченія ихъ внесенныя въ государственную хронологію тогда-же, по сужденіи нѣкоторыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ скоро появилось новое учрежденіе или совершенное преобразованіе правительственной машины. Все переновлено, даже до наименованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы—правителями, воеводы—городничими и пр. Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ-что иная губернія, управляемая прежде 50 чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на 4 намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, но грубый хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду, поелику вмѣсто 3 барановъ въ годъ должны возить ихъ до 15 въ городъ. Учрежденіе совѣстнаго суда заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написаль: „Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ! Владыки вселенныя, законодатели народовъ, спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣни, научайтесь; она первая учредила судъ совѣсти!“ Но мы, россияне, для которыхъ собственно великая законодательница учредила сіи спасительныя суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были далеко не судами совѣсти“. Самоуправленіе, данное дворянству, и городамъ, тоже не имѣло значенія. „Въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели-бы неминуемо во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ россиянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастье, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни мало симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, бросить пылъ въ глаза Европы и обморочить потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо“. („Русск. Архивъ“, 1877, 100—102.)

Учредивъ 50 губерній, возведя 200 селъ въ чинъ городовъ, давъ городамъ и дворянству самоуправленіе, Екатерина почила отъ реформъ, хотя нѣкоторые изъ ея приближенныхъ очень хорошо видѣли, что всѣ эти преобразованія только начаты, но не

окончены, и основное зло русской жизни оставлено неприкосновеннымъ. Положеніе крѣпостныхъ особенно возмущало новгородскаго губернатора Сиверса. „Это — несчастные люди, писалъ онъ къ императрицѣ, — и часто болѣе заслуживаютъ этого названія, чѣмъ ихъ недостойные господа“. Въ 1775 г., по поводу новыхъ реформъ, Сиверсъ напоминалъ Екатеринѣ, что огромная часть ея подданныхъ, крѣпостные, „лишены ея милостей“. По поводу-же усмиренія пугачевщины онъ прямо высказывалъ царицѣ, „что неограниченное рабство погубить государство, и мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги, опустошившихъ эти прекрасныя области. Я знаю, что это щекотливый вопросъ, но пусть государыня, по крайней мѣрѣ, ограничить чрезмѣрную власть помѣщика, пусть, по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебного разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ, что почти равнозначительно смертной казни. Установите, чтобы крѣпостной, семья котораго состоитъ изъ 2 или 3 душъ муж. пола, могъ выкупаться хоть за 500 руб.“ Въ то-же время ярославскій генераль-губернаторъ Мельгуновъ проектировалъ узаконеніе подобнаго выкупа, но, говоритъ Сиверсъ, „императрица не осмѣлилась на это рѣшиться, какъ ни была она убѣждена въ справедливости и пользѣ такого постановленія“. Только въ учрежденіи о губерніяхъ намѣстнику поручалось „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости“. Все это были одни слова, и хотя Екатерина еще въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ поговаривала о необходимости какъ-нибудь урегулировать крѣпостное право, но въ то-же время, въ 1777 г., въ одномъ разговорѣ высказалась, что крестьянскій вопросъ — дѣло чрезвычайно трудное: „гдѣ ни начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается“. Въ 1781 г. русскій посолъ въ Вѣнѣ прислалъ въ Петербургъ манифестъ Іосифа II объ освобожденіи крестьянъ и о выкупѣ ими земель по дешевымъ цѣнамъ. Манифестъ этотъ остался во дворцѣ у императрицы, которую онъ не только интересовалъ, но и долженъ былъ задѣвать ея самолюбіе: гуманный, искренно желавшій добра своему народу императоръ не нашелъ освобожденіе крестьянъ несвоевременнымъ и успѣлъ сдѣлать то, на что не рѣ-

шлась она, Семирамида Сѣвера... Къ этому времени относится видѣнный Блудовымъ проектъ Екатерины, по которому освобождались всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 года. Но и этотъ проектъ былъ заброшенъ и скоро въ официальныхъ сферахъ стали держаться идей, тождественныхъ съ мнѣніями уже цитированнаго нами автора „Размышленія о неудобствахъ дать крестьянамъ свободу“. Онъ доказываетъ невозможность освобожденія и климатомъ страны, и темпераментомъ народа, и интересами государства, и выгодами самихъ крестьянъ. Вслѣдствіе ихъ освобожденія, говоритъ онъ, напр., падутъ ремесла, умножится неправда въ судахъ, усилятся преступленія, даже остановится размноженіе народа, доказательствомъ чего могутъ служить будто-бы дворцовые и экономическіе крестьяне, непринуждаемые къ браку, какъ помѣщичьи. „У нихъ во всякой почти деревнѣ можно сыскать множество холостыхъ и вдовыхъ неженатыхъ, дѣвокъ также и молодыхъ вдовъ, невышедшихъ въ замужество и исполняющихъ долгъ человечества къ размноженію народа. Се суть новый родъ монаховъ, съ тою токмо разностью, что тѣ посвятили себя къ службѣ божіей, а сіи себя посвящаютъ къ развратной жизни“. Авторъ соглашается, что есть и дурные помѣщики, но образованіе постепенно смягчаетъ нравы и превращаетъ такихъ господъ въ отцовъ-благодѣтелей народа. Въ концѣ царствованія эти воззрѣнія окончательно восторжествовали и даже для казенныхъ крестьянъ при Екатеринѣ не было сдѣлано почти ничего существеннаго, хотя, съ другой стороны, нельзя не порадоваться, что найденное въ ея бумагахъ положеніе „Объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей“ не было приведено въ исполненіе. Положеніе это нѣсколько напоминало уставъ аракеевскихъ военныхъ поселеній. Въ деревняхъ предполагалось ввести даже сословное дѣленіе на шесть разрядовъ, причемъ-бы *статейные* освобождались отъ личной рекрутской повинности; домохозяевамъ предоставлялись широкія права надъ батраками и „юношами“; назначались штрафы за прогулы, за непочтительность, за шумъ на сходѣ и т. д. („Русск. Стар.“, XVII, 14, 687; „Чт. въ общ. ист.“, 1861, III; „Сб. ист. общ.“, XX, 447—498.)

Толки о крестьянскомъ дѣлѣ вовсе замолкли и въ литературѣ послѣ прекращенія въ 1774 г. сатирическихъ журналовъ и только въ новиковскомъ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (1784—85 гг.)

было напечатано одно прекрасное стихотвореніе, оплакивавшее судьбу крѣпостныхъ; когда-же въ 1790 году вышла извѣстная книга Радищева, то оказалось, что говорить объ освобожденіи крестьянъ уже было преступленіемъ. Какъ радикально измѣнились въ это время мнѣнія самой Екатерины, видно изъ ея примѣчаній на эту книгу. По поводу продажи людей съ молотка, напр., она замѣтила: „начинается прѣжалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина“. По поводу другого мѣста: „ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя то неоспоримо, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. По поводу увѣщанія, обращеннаго къ помѣщикамъ, добровольно освободить крестьянъ, государыня замѣтила: „угovarиваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“. Она даже обвиняла Радищева, будто бы его книга „клонится къ возмущенію крестьянъ противъ помѣщиковъ“. („Чт. въ общ. ист.“, 1865, III.) Екатерина первая изъ образованныхъ людей Россіи бросила въ общество мысль объ освобожденіи крестьянъ, но не послѣдняя оставила ее и начала даже энергически противодѣйствовать ея распространенію...

Не одно освобожденіе крѣпостныхъ, но и многія другія идеи, возвыщенныя Наказомъ, постепенно подвергались забвенію и принципы гуманности нарушались въ жизни на каждомъ шагѣ. Наказанія оставались жестокими, практиковалась пытка; вѣротерпимость, столь желаемая государыней, нарушалась всюду. Въ 1792 году, напр., въ южной Россіи начали преслѣдовать духоборцевъ и екатеринославскій губернаторъ писалъ по этому случаю, что „*всѣ зараженные иконоборствомъ не заслуживаютъ человеколюбія*“, ибо ересь ихъ особенно опасна и соблазнительна для послѣдователей тѣмъ, что „*образъ жизни духоборцевъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу и спасенія они чаютъ отъ благихъ дѣлъ*“. Духоборцы были приговорены къ сожженію, но помилованы ссылкой въ Сибирь. („Русск. Арх.“, 1865, 818.) Положеніе крѣпостныхъ къ концу царствованія значительно ухудшилось и помѣщичья реакція, вызванная пугачевщиной, очень тяжело отзывалась на нихъ. Въ 1778 г. возобновились и крестьянскія волненія. Въ порховскомъ уѣздѣ новгородской губерніи отказались отъ повиновенія крестьяне гр. Апраксина. Екатерина въ апрѣлѣ при-

казала Сиверсу вывести изъ взволновавшихся имѣній войска и изслѣдовать причины безпорядковъ. Черезъ три недѣли, увидѣвъ изъ слѣдствія, что крестьяне сильно угнетены, она распорядилась отдать имѣнія подъ опеку, но въ концѣ іюля Сиверсъ, послѣ посѣщенія взволнованныхъ имѣній, написалъ къ ней: „Это дѣло будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія, если, какъ это часто бываетъ, волненіе охватитъ сосѣднихъ крестьянъ“. Сиверсъ говорилъ, что эти волненія неизбежны, пока, по крайней мѣрѣ, не будетъ ограничена власть помѣщиковъ; но пока послѣдняя существуетъ, государству необходимо поддерживать ее. „Дозвольте крѣпостнымъ малѣйшее противорѣчіе или демонстрацію, и тогда я, зная сердце человѣческое, не могъ-бы поручиться за послѣдствія. Развѣ крестьяне гр. Апраксина не воспротивились съ оружіемъ въ рукахъ батальону солдатъ, двинутыхъ противъ нихъ? Ихъ неповиновеніе опекунамъ представляетъ самое сильное тому доказательство. Оброкъ, который у нихъ требуютъ, умѣрненіе, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей“. Послѣ этого письма Екатерина велѣла снова занять деревни войсками, пока крестьяне не обратятся къ повиновенію, а въ ноябрѣ Сиверсъ снова писалъ къ ней: „Если не водворить порядокъ какъ можно скорѣе, дѣло будетъ имѣть пагубныя послѣдствія. При деспотическомъ управленіи зародышъ возстанія готовъ разростись при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи нужно быть какъ можно бдительнѣе“.

Положеніе крестьянъ ухудшалось главнымъ образомъ вслѣдствіе быстрого и чрезвычайно широкаго развитія роскоши при Екатеринѣ, на что указывалъ еще кн. Щербатовъ. Считаютъ, напр., что одинъ только кн. Потемкинъ прожилъ 50,000,000 рублей. Роскошью пускали пыль въ глаза Европѣ, которая, дѣйствительно, ахала отъ изумленія при видѣ такихъ ослѣпительныхъ зрѣлищъ, какъ знаменитый потемкинскій праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ или путешествіе государыни въ Крымъ, во время котораго Георгій Конискій, привѣтствуя Екатерину, сказалъ свою пресловутую рѣчь: „оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается—наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи пребываемъ“. Дѣйствительно, это было какое-то волшебное или, точнѣе, балетное шествіе богини солнца: цѣлые обозы блестящихъ экипажей, цѣлый флотъ роскошныхъ галеръ на Днѣпрѣ, великолѣпная свита, импе-

ратрица вся въ золотой парчѣ, усыпанной бриліантами. Все по дорогѣ чистилось, подновлялось, бѣдность и нищета удалялись съ глазъ. Распорядились, чтобы какъ всѣ городскіе жители, такъ и крестьяне ожидали государыню „въ лучшей ихъ одеждѣ, а особенно дѣвки въ уборѣ на головахъ, наблюдая, чтобы отнюдь никого въ раздраной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было“. Дорогу дѣвки должны были „усыпать цвѣтами, а прочіе изъяслять свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями“. Строжайше предписывалось соблюдать во всемъ чистоту и опрятность, особенно же, чтобы „не явились таковыя продерзкіе, которые прошенія свои подавать будутъ самой императрицѣ“. Вездѣ, гдѣ были назначены дневки, строились или передѣлывались изъ старыхъ зданій дворцы, въ которыхъ устраивали великолѣпныя встрѣчи, обѣды, балы, фейерверки. Въ Полтавѣ войска представили полтавскую баталію. По берегамъ Днѣпра были поставлены декораціи, изображавшія богатые деревни, около которыхъ паслись согнанные по этому случаю изъ разныхъ мѣстъ стада и ликовали пейзажи. Въ Херсонѣ были воздвигнуты триумфальныя ворота съ надписью: *Дорога въ Византію*. Вся дорога по ночамъ иллюминировалась веретъ на десять въ обѣ стороны. „Сначала горѣли лѣса на горахъ, говоритъ принцъ де-Линь,—потомъ свѣтились мелкіе кустарники, по приближеніи-же нашемъ все пылало“. („Восемнадц. Вѣкъ“, I, 306—13; „Русск. Арх.“, 1865, 623.)

Недешево стоили и войны, поглотившія громадныя суммы, такъ-что государственные сборы должны были увеличиваться прогрессиивно. Всего доходовъ было:

Въ 1764 г. 16,507,000

„ 1773 „ 29,549,000

„ 1796 „ 68,597,000 (С. И. О. V, 227; VI, 303.)

При истощеніи казначейства прибѣгли къ выпуску асигнацій, курсъ которыхъ постоянно падалъ и въ 1788 г. рубль стоилъ уже только 68 к. Въ этомъ году, рассказываетъ Щербатовъ, не хватило даже мѣдной монеты; „банкъ прекратилъ уплаты, заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого не пускать на дворъ“. Асигнаціи мѣняли на мѣдь съ приплатою 13, даже 20 коп. промѣна съ рубля. Для увеличенія доходовъ въ первую, либеральную половину царствованія, прибѣгали къ источникамъ, рѣшительно враждебнымъ духу Наказа. Такъ раскольники,

освобожденные Петромъ III отъ двойного подушнаго оклада, были снова подвергнуты ему. Съ 1765 г. началось усиленное покровительство откупу. Откупщикамъ дозволено „столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ. Такъ-какъ отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось подло и безчестно, то называть ихъ впредь *питейными домами* и поставить на нихъ гербы, яко на домахъ, подъ Нашимъ защищеніемъ находящихся. Откупщики обнадеживаются монаршимъ покровительствомъ и служба ихъ признается казенною, они именуются *коронными повѣренными служителями* и носятъ шпаги“. Откупщики платили казнѣ:

Въ 1763 г.	1,700,000 р.
„ 1773 „	6,640,000 „
„ 1796 „	22,000,000 „

Усиленное потребление хлѣба винокуренными заводами и вывозъ его за границу, рекрутскіе наборы, увеличеніе налоговъ, пугачевщина, размноженіе помѣщиковъ, все это вело страну къ тому кризису, въ какомъ она очутилась въ концѣ екатерининскаго царствованія. Недостатокъ хлѣба, даже при среднихъ нормальныхъ урожаяхъ, возвышалъ цѣны. Четверть ржи въ московской губ. стоила:

Въ 1760 г.	86 коп.
„ 1763 „	95 „
„ 1773 „	2 р. 19 „
„ 1787 „	7 „

„Цѣна хлѣба, говоритъ кн. Щербатовъ по случаю одной голодовки, — не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ... Къ несчастію, скажу объ отечествѣ моемъ, что голодъ у насъ пришелъ хотя случайно, но предвидѣть его за долго можно было, а недостатокъ монеты и кредита отъ худыхъ операцій произошелъ. А нынѣ, когда большая часть государства съ голоду помираетъ и когда мѣдная и серебряная монета, ходящая въ государствѣ, до крайности возвысилась цѣною, кажется, что на все сіе правительство наихолоднѣйшимъ духомъ смотритъ. Московская, калужская, тульская, рязанская, бѣлгородская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже недостаетъ, ибо, къ несчастію, и ле-

беда не родилась и оной четверть по 4 рубля покупають. Ко мнѣ изъ алексинской моей деревни привезли 1 хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 3 изъ лебеды. Онъ въ ужастъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. Однакожь, никакого распоряженія не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народу, для прокормленія того народу, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умирають; который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самую роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради человеколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо чтобы убавить какихъ-съ нихъ податей, но и самые способы отнимають, чтобы, работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя мякиною жизнь свою prolongировать. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе отъ холоду младенцы среди холоду и вьюги единое чувствіе глада имѣють, безвинныя руки протягаютъ, исчисляють число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно, ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо и нечувствительно на сіе является. И если истинѣ моихъ глаголовъ повѣрить потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ? (Полн. Собр. Закон. № 12, 445; Сб. И. О. V, 274, VI, 303; Р. Арх. 1865, 881, 885; Записки Мертваго, 134; Чтенія въ Общ. Истор. и Древност. 1860, I, 91 — 134.)

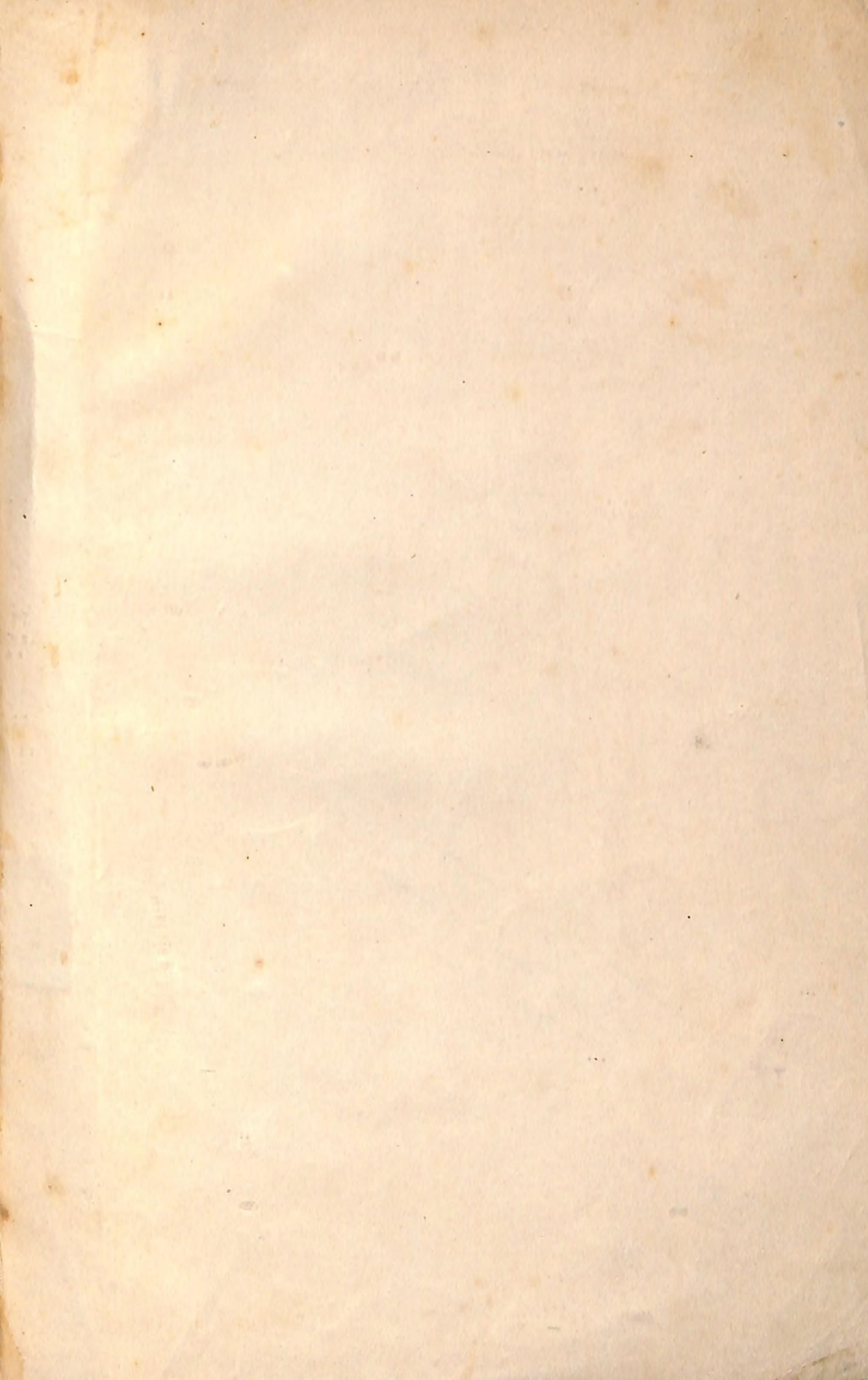
Такъ заканчивалась эпоха, начатая мечтами о реформахъ, оживленіемъ литературы, созваніемъ народныхъ представителей, отъ которыхъ „ждутъ примѣра всея подсолнечныя народы“, когда говорились знаменитыя слова: „Боже сохрани, чтобы по окончаніи сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было-бы не исполнено, — несчастіе, до котораго я дожить не

желаю"! Эпоха заканчивалась въ духѣ, совершенно противоположномъ ея началу. Нерѣшительность и робость въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, смѣло совершенномъ въ Австріи современниками Екатерины Маріей-Терезіей и Іосифомъ II, лишили и комисію уложенія, и императрицу той единственной почвы, на которой могли опираться все другія преобразованія. Введеніе новаго учрежденія о губерніяхъ вызвало увеличеніе чиновничества и усложнило бюрократическую машину, что дало новую поддержку крѣпостничеству и даже многіе изъ этихъ чиновниковъ сами превращались въ помѣщиковъ. Всесильная корпорація откупщиковъ сдѣлалась новымъ задерживающимъ элементомъ, враждебнымъ всякой реформѣ. Присоединеніе отъ Польши западныхъ губерній имѣло тотъ-же результатъ: помѣщичье сословіе усилилось множествомъ людей богатыхъ, вліятельныхъ, ловкихъ и предприимчивыхъ, для которыхъ сохраненіе крѣпостного права въ имперіи было такъ-же дорого, какъ и для дворянъ Великороссіи, для остзейскихъ бароновъ, для новыхъ владѣльцевъ Малороссіи изъ казацкой старшины и великорусскихъ вельможъ. Для русскихъ помѣщиковъ присоединеніе польскихъ губерній было выгодно еще и потому, что съ нимъ должны были прекратиться побѣги крѣпостныхъ цѣлыми массами во владѣнія Польши. Что-же касается крѣпостного населенія присоединенныхъ областей, то оно было еще несчастнѣе великорусскаго, потому что было подавленнѣе его нравственно. Россія, присоединяя эти губерніи, опиралась на симпатіи народной массы, но эта масса и по присоединеніи осталась по-прежнему въ крѣпостной зависимости и бѣлорусъ пѣлъ: „Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни отецъ за сына. Живутъ люди, живутъ люди слободою; идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ дочкой; пришли онѣ на нивушку: помоги намъ Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать, горекъ нашъ обѣдъ! Оглянулись назадъ—экономъ идетъ; пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: отчего васъ, вражьихъ людей, не трое? И началъ экономъ ругаться да драться: зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не носите? А у нашего эконома красная шапка, а пріѣдетъ онъ на барщину, такъ скачетъ, какъ жаба. А у нашего эконома шелковая обувь. Плачутъ, плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у

бѣдныхъ людей руки. А вечеромъ, поужинавъ, въ карауль ступай! Пошли въ шинокъ: дай, шинкаря, кварту, выпьемъ съ горя по стабану, а потомъ и въ карауль. Ходить попъ по церкви да книжку читаетъ: отчего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?—Какъ-же намъ, батюшка, въ церковь-то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить“. (Костомаровъ, Рѣчь Поспол. 869.) Эти жалобы крѣпостныхъ уже не трогали болѣе людей вліятельныхъ; крѣпостное право считалось уже какимъ-то ковчегомъ спасенія, и тотъ-же Щербатовъ, который писалъ такъ горячо въ защиту голодающаго народа, предлагалъ правительству для поправленія дѣлъ „продать всѣ государственныя и экономическія земли дворянамъ, считая кругомъ по 80 рублей за душу, и продажу сію сдѣлать, распредѣляя по чинамъ въ прибавку къ имѣющимся деревнямъ, дабы большіе бояре и любимцы ихъ всѣ не расхватали“. (Чт. въ О. Ист. 1860, I, 103.) Только немногіе, какъ Новиковъ въ Шлиссельбургѣ да Радищевъ въ отдаленномъ Илимскѣ, продолжали предаваться утопическимъ мечтамъ объ освобожденіи крестьянъ...

С. Шашковъ.

1712

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO
JAN 10 1900
CHICAGO, ILL.

ИМРА Ф.П.ОФ 8218/122
РК 298
АС 10885
ГК 19321086

